В. Попов – Штарк

ПОЛЯРНЫЕ НАХОДКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВСЕВМОРПУТИ
1940

Акт № 3

ПРОВЕРЕНА 1952 г.

Проверена-56 г.

Провер. 10-85

ПРОВЕРЕНА-53

Индекс	М		х.
Авторский знак	4-П.58-П		Инв.

Возвратите книгу не позже указанного здесь срока

Тип. Военмориздата. Зак. 1453—150000

Вл. ПОПОВ-ШТАРК

ПОЛЯРНЫЕ НАХОДКИ

74164

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГЛАВСЕВМОРПУТИ
ЛЕНИНГРАД • 1940 • МОСКВА

ОТ АВТОРА

В наше время Арктика становится, а во многих местах уже стала, землей вполне обжитой. Но вместе с тем, высаживаясь на островах и землях Арктики, советские полярники всегда внимательно осматривают местность, и если им посчастливится разыскать какие-либо предметы, говорящие о пребывании здесь человека, они бережно собирают и хранят их.

Любая из находок на пустынном острове или мысе имеет свою подчас удивительную историю. Полярные находки могут рассказать о забытых событиях, о человеческой смелости в борьбе со стихией, о жизни полярников в прошлом, в те времена, когда не было радио и человек, заброшенный в северные просторы, на многие месяцы был отрезан от всего мира.

В этой книжке мы рассказываем историю нескольких таких полярных находок. Большинство из них связано с двумя величайшими задачами, которые ставили перед собой ученые и мореплаватели многих стран: завоевание Северного полюса и освоение Северного морского пути из Атлантического океана в Тихий. Обе эти задачи успешно разрешены только советскими людьми.

Книжка эта — о прошлом. Не удивительно, что в ряде глав мы вынуждены рассказывать о трагедиях, которые сопутствовали полярным исследователям. Находка предметов, оставшихся как след пребывания человека в том или ином уголке Арктики, нередко помогала сорвать завесу с тайны, окутывающей многие страницы арктической истории.

В залах Музея Арктики в Ленинграде замечательные

бортжурналы легендарных самолетов, впервые перелетевших через Северный полюс в Америку, лежат рядом с полуистлевшими письмами Седова и Толля, как документы двух различных эпох. И сравнивая их, мы видим, как изменились за последние годы условия существования, борьбы и работы людей в холодных полярных областях.

В качестве особого приложения дается список полярных реликвий, собранных до сих пор Музеем Арктики в Ленинграде.

Вл. Попов-Штарк

„ПОЛЯРНАЯ ПОМПЕЯ“

Геркуланум и Помпея — два римских городка, расположенные возле Неаполя, у подножия Везувия, — как известно, были засыпаны 24 августа 79 года нашей эры пеплом и залиты лавой при извержении вулкана. Слой вулканических масс, покрывший их, достиг 4 метров. Спустя многие века эти засыпанные города подверглись раскопкам. По предметам, найденным археологами и освобожденным от пепла, и городским зданиям стало возможным узнать о том, как жили люди почти две тысячи лет тому назад.

Подобной Помпеей, только погребенной не под вулканическим пеплом, а под снегом и льдом, оказалась первая в нашей Арктике зимовка европейцев, — зимовка штурмана Виллема Баренца и его спутников.

В мае 1596 года из Амстердама ушли в плавание два корабля. Это была третья попытка голландцев найти северный проход в Китай и Индию. Спустя два месяца после отплытия один из кораблей, на котором плыл Виллем Баренц, достиг Новой Земли и обогнул ее северную оконечность, названную им мысом Желания. 21 августа корабль, теснимый льдами, зашел в небольшую бухту на северо-восточном берегу Новой Земли.

Здесь льды пленили корабль Баренца. Голландцы вынуждены были зазимовать на берегу. Они назвали бухту Ледяной гаванью.

Пока голландские мореплаватели зимовали в выстроенном из плавника и частей своего корабля доме, они кое-как освобождали его от снега, но когда через десять месяцев голландцы отплыли, дом стало засыпать

белым «пеплом», таявшим в летнюю пору и, в конце концов, заполнившим все жилище.

14 июня 1597 года голландцы покинули место тягостной для них зимовки. Баренц был уже тогда тяжело болен. Оставляя Ледяную гавань, он написал краткий отчет о пребывании здесь голландской экспедиции, засунул его в роговую пороховницу и попросил подвесить в потолочном дымоходе дома.

В пути Баренц скончался, но большинство его спутников сумело возвратиться на родину.

Шли века... Голландское зимовье продолжало стоять среди полярной пустыни, медленно заплывая льдом. Именно это обстоятельство сохранило реликвии первых европейских зимовщиков Арктики. Зимовье Баренца двести семьдесят четыре года не посещалось человеком.

В 1871 году в Ледяную гавань зашел норвежец, полярный зверобой Карлсен и неожиданно на мысе Спорый Наволок наткнулся на «Полярную Помпею».

В северо-восточной части мыса, приблизительно в расстоянии полукилометра от берега, стоял в полной сохранности дом Баренца. Предметы обстановки сохранились в том порядке, какой был изображен на рисунке в книге спутника Баренца — Де-Фера,[1] выпущенной в свое время в Голландии.

Норвежец усердно занялся раскопками. Находки его состояли из ста пятидесяти различных предметов, среди которых находились мечи, алебарды, точила, посуда, флейта, книги, картины и проч. Все эти реликвии он доставил в Гаммерфест.

После того как в Европе стало известно о находках Карлсена, англичанин Гардинер в 1875 году снарядил специальную экспедицию в Ледяную гавань и произвел там дальнейшие тщательные раскопки в доме Баренца. Он нашел здесь различные книги, которыми пользовались голландцы во время своей зимовки, в том числе «Историю Китая», путь в который Баренц тщетно искал, географические карты, полуистлевшие остатки голланд-

---

[1] Г. Де-Фер, Плавание Баренца 1594—1597 гг., Издательство Главсевморпути, Л., 1936.

ского судового флага, компас, часы, несколько циркулей, гусиные перья и чернильницу, печать, оружие, монеты, различную домашнюю утварь и остатки кое-какой старинной одежды. Гардинер обыскал также дымоход и нашел подвешенную к нему ту самую роговую пороховницу с кратким отчетом о плавании, которую оставил перед отъездом больной Баренц.

Все эти находки Гардинера, купленные у него, как и у Карлсена, голландским правительством, стали экспонатами Гаагского музея, где был создан специальный зал, посвященный Баренцу и его сподвижникам. В этом зале воспроизведено голландское зимовье в Ледяной гавани: в нем расставлены и развешены подлинные предметы, составлявшие некогда обстановку зимовья.

Третья раскопка «Полярной Помпеи» относится уже к 1933 году. Сотрудники геологического отряда Арктического института Б. Милорадович и Е. Сычугова обнаружили новые находки в руинах зимовья Баренца.

«18 августа 1933 года, взобравшись на береговой уступ мыса Спорый Наволок, — рассказывает Милорадович, — я увидел невдалеке остатки какого-то жилья.

«Вдоль северной и западной сторон этого сруба валялось несколько полусгнивших досок, должно быть, остатки нар и обшивки избы. В этих досках и части бревен торчали крупные кованые гвозди. Отдельно от досок была найдена железная кованая дверная петля. Внутри сруба избы в двух местах были собраны довольно крупные камни, носившие на себе следы обжига огнем и, повидимому, являвшиеся остатками очага.

«Вне избы, около северной ее стены, находилось небольшое возвышение — должно быть, место отбросов голландских зимовщиков. В этом месте, среди перепревшей темной массы, найдены были черепки, несколько гвоздей, наконечник от гарпуна и остатки двух деревянных подошв. Одна из них сохранилась лучше и представляла собою довольно грубо сделанную из цельного куска дерева подошву с невысоким каблуком. К ней был приколочен коваными железными гвоздями довольно широкий кожаный ремень для обхвата ноги в подъеме.

Кроме этого, там же нашлась подошва из тонкого листа меди, имеющая по краям ряд дырочек.

«Около южной стороны избы лежали остатки бочки — клепка, днище и кованые железные обручи. Шагах в восьми от бочки на земле был разлит пек, хорошо сохранившийся, но растекшийся очень тонким слоем по поверхности земли. Тут же валялось донышко от кувшинчика, в котором находилась какая-то тягучая желтая масса. Вблизи избушки был найден кованый старинного фасона железный ключ. Между избушкой и берегом лежало несколько кусков довольно крупных и толстых пробковых пластин».

Находки советских полярников, очевидно, последние реликвии зимовки Баренца. Их можно видеть ныне в одной из витрин Ленинградского Музея Арктики.

Перечень предметов, найденных в зимовье Баренца, сух и лаконичен. Однако все эти предметы имели огромное значение в быту зимовщиков-голландцев, и каждый из них имел свою историю. Кто же мог бы рассказать нам о них?

Таким рассказчиком является летописец плаваний Баренца — Де-Фер. Читая его книгу, мы узнаем об этих предметах много любопытного.

Вот, например, Милорадович упоминает о довольно крупных камнях, найденных им в самом доме и носивших следы обжига. Видимо, это остатки очага. Де-Фер разъясняет: «26 декабря продолжалась та же плохая погода с северо-западным ветром... Мороз был такой сильный, что мы не могли согреться, хотя принимали все меры: разводили огонь, или покрывали себя многочисленными одеялами, или, лежа на койках, прикладывали себе к ногам и бокам горячие камни...»

Отмечает Милорадович и остатки бочки — клепку и кованые железные обручи, — валявшиеся в стороне от зимовья. Не одна ли это из тех бочек из-под пива, о судьбе которых Де-Фер горько сетует: «13 октября опять поднялись сильные северные и северо-западные ветры. Трое из нас отправились на корабль и нагрузили сани пивом. Однако, когда мы хотели везти его к дому, неожиданно поднялся такой сильный и холодный ветер, что мы не могли оставаться на улице и должны были уда-

литься на корабль, оставив пиво в санях... 14 октября, сойдя с корабля, мы нашли бочонок пива (оно было данцигское), оставленный на открытом воздухе на санях. От сильного холода дно его лопнуло, а самое пиво вытекло, замерзло и так крепко пристало ко дну бочонка, как будто было прикреплено птичьим клеем. Мы притащили этот бочонок пива к дому и поставили стой-

Предметы, найденные на месте зимовки Баренца.

мя. Когда же мы хотели пить, то надо было раньше дать пиву оттаять, ибо незамерзшего пива оставалось в бочонке чуть-чуть, и в этой влаге была вся сила напитка, так что из-за крепости его нельзя было пить; а то, что замерзло, было так же невкусно, как вода, но мы все-таки пили его вместе с другим, незамерзшим, хотя напиток получился очень слабый и невкусный... Железные обручи, набитые на бочонки с данцигским пивом, также лопнули от мороза...»

Поскольку зашла речь о бочках, то интересно вспомнить, что большая винная бочка, составлявшая принадлежность обстановки зимовья Баренца, срезанная на

одну треть с одной стороны и поставленная стоймя, служила для зимовщиков ванной... «Наш врач, — говорит Де-Фер, — ухитрился устроить из винной бочки ванну, купанье в которой согревало тело. Ванну принимали время от времени все мы по очереди. Мы знали, что это купанье сильно содействует укреплению тела и сохранению здоровья».

Такая бочка-ванна украшает собою музейный зал Баренца в Гааге. Она была вывезена Гардинером.

СОКРОВИЩА „СЕВЕРНЫХ РОБИНЗОНОВ"

В жизни четырех «северных робинзонов», проведших семь долгих лет на острове Малый Берун (остров Эдж на Шпицбергене), большую роль сыграли находки, обнаруженные ими среди прибрежного плавника. Эта изумительная робинзонада была записана Ле-Руа со слов мезенского корщика Алексея Химкова,[1] вытребованного со своими товарищами (после их спасения) императрицей Елизаветой, падкой до всяческого рода необычайных происшествий. Несчастных робинзонов, облаченных в те самые песцовые одеяния, которые они сшили себе, находясь на острове, Елизавета приезжала рассматривать как диковинных зверей, тем более что и помещены они были в зверинце.

История этой робинзонады такова. В 1743 году четырнадцать русских поморов предприняли из Мезени поход на Грумант (так русские тогда называли Шпицберген) для ловли китов и моржей. Сильный шторм прибил их ладью к острову Эдж, где судно затерло льдом. Четверо из поморов — корщик Алексей Химков и три матроса: Иван Химков, Степан Шарапов и Федор Веригин — пошли на берег искать зимовье, которое, по слухам, некогда там поставили другие мезенские промышленники. Зимовье было найдено. Но, когда обрадованные поморы вернулись на берег, они с ужасом увидели, что их ладья исчезла. Вместе с припаем ее, очевидно, унесло в

---

[1] Ле-Руа, Приключения четырех русских матросов на Шпицбергене, Издательство Всесоюзного Арктического института, Л., 1933.

море. Алексей Химков и его товарищи с ничтожным запасом продовольствия и самым скудным снаряжением были принуждены зимовать в полуразвалившейся избе, построенной когда-то их земляками.

Бродя по пустынному берегу острова Малый Берун, поморы обнаружили множество бревен, частью выброшенных на сушу, частью плававших в черте прибоя. Плавник служил им топливом для зимовья. Потом среди плавника высмотрели доску, в которой торчали железные заржавленные гвозди и довольно большой крюк. Доска была не простая: на ней была выжжена какая-то иноземная надпись и стояли цифры «1719». Очевидно, это была доска от иностранного корабля, где-то потерпевшего крушение, и принесенная течением к острову.

После первых находок горемыки-поморы стали часто навещать «лесную биржу» и нет-нет да что-нибудь находили полезное для себя, пополняя случайными находками свое скудное снаряжение и хозяйство. Так нашли они здесь дырявое ведро, корабельный болт, большую, с осмоленным горлышком четырехугольную бутылку вроде штофа. Ее поспешили откупорить гвоздем, в ней оказалась записка на непонятном языке, которую они не смогли разобрать.

Большая часть находок пошла в дело, тем более, что надо было готовиться к зимовке. Крюк приладили к тяжелой дубине так, что из него получилось орудие, с которым можно смело итти на медведя. Гвозди пошли на починку избы, на изготовление наконечников копий. Оттачивая эти гвозди на камнях, поморы сумели сделать из них грубые иглы для починки меховой одежды из песцовых и обуви из медвежьих шкур. Словом, скудные «дары моря» да собственная смекалка дали им возможность прожить на острове Малый Берун семь долгих лет. За это время поморы потеряли только одного человека.

К сожалению, находки четырех русских моряков-промышленников на острове Эдж не дошли до нашего времени. Само повествование об их приключениях сохранилось для потомства лишь благодаря случайности. Рассказ Ле-Руа характеризует смелость русских людей, ко-

торые издавна промышляли на Шпицбергене морского зверя, песца, медведя, селились и зимовали на этой далекой хмурой земле. На небольших карбасах поморы спокойно совершали далекие плавания. «Не те спины у груманланов,[1] чтобы бояться океана» — ответил один промышленник, когда его спросили, как это он не боится так далеко уходить от берега.[2]

Почти два века продолжался успешный промысел русских людей на Шпицбергене. Десятки становищ и промысловых изб были разбросаны по берегам островов и фиордов архипелага. Только в середине XIX века промысел пошел на убыль.

Одна из последних зимовок русских промышленников на Шпицбергене была омрачена диким преступлением. О нем мы хотим рассказать в следующей главе.

РУЖЬЕ ИЗ БЕЛЛЬЗУНДА

В мае 1852 года два норвежских шкипера пришли на Шпицберген для китобойного промысла. Они зашли в Белльзунд и увидели там опустевшее поморское становище. В избе лежал труп, прикрытый оленьей шкурой. Подле него валялось ружье, на ложе которого была вырезана ножом какая-то надпись, эту надпись норвежцы не смогли разобрать, она была сделана по-русски. Китобоев заинтересовали и другие предметы, валявшиеся в избе: пустая роговая пороховница, кусок плавника, тоже с вырезанными на нем буквами, обломок весла, представлявшего, видимо, примитивный календарь с зарубками месяцев, недель и дней. Невдалеке от избы было найдено тело еще одного русского помора. В избе и вокруг нее то и дело попадались изгрызенные оленьи рога, кости, оленья шерсть без кожи. Все говорило о том, что здесь люди погибли от голода.

Норвежцы предали трупы погребению, а находки забрали с собой. Через шведское посольство деревянные

---

[1] Груманланами называли себя поморы, промышлявшие на Шпицбергене.

[2] А. Харитонов, Архангельские промышленники на Груманте (Шпицберген), „Отечественные записки", LXVI, 1849.

скрижали с летописью полярной трагедии были отправлены в Архангельск.

На прикладе ружья удалось разобрать следующее: «Простите нас грешных, оставили злодеи, бог им заплати. Донести нашим семействам». На ложе ружья: «Мы двоима оплакали свою горькую участь, ушли в Рынбовку, это было в Кломбае[1] в 1851-го 8 августа поехали за оленями со шхуны и оставлен товар[ищами] здесь хозяина и 2 человеками ходили по берегу 3 дня, затем приехали Гвоздарева стрелили 11 августа Колуп Убежал Иван Тихонов Убежал Андрей Каликин. Пострелил Ивана Гвоздарева Колуп-собака».

Была запись и на обломке весла: «Иван Синяго Сороцкой деревни 1851 г. сентяб.» Затем следовали календарные зарубки, а далее снова надпись: «Пришли сюда августа 13 дня пишу месяца и дни сколько живем». Видимо, это была ссылка на календарные зарубки.

Все эти находки красноречиво говорили о преступлении, совершенном на далеком становище.

В процессе судебного следствия выяснилась и вся история преступления. В 1851 году крестьянин Архангельской губернии Кемского уезда корщик Иван Гвоздарев снарядил собственную шхуну «Григорий Богослов» и в мае отправился на Грумант для промысла. На шхуну нанялись промышленники Дружинин, Мыхин, Борцевич, братья Василий и Яков Исаковы, Тихонов, Михайлов, Антипин и Каликин. После четырехмесячного отсутствия шхуна возвратилась, но хозяина и шестерых промышленников на ней не оказалось. Вернулись только трое: Дружинин и оба Исаковы.

Они объявили семействам, что четверо их товарищей и сам Иван Гвоздарев погибли в море во время шторма, а двое остальных умерли: один в Кломбае, а другой в местечке Берлевог в Норвегии.

Этому сообщению родственники погибших не очень верили, в особенности в семействе Гвоздарева; вернувшиеся не отличались ни трезвой жизнью, ни добропорядочностью. Кроме того, подозрение увеличивалось из-за

---

[1] Кломбай — искаженное поморами голландское название Белльзунда — Klock Bay.

разноречивости рассказов. Но поскольку проверить правдивость рассказов не было возможности, все стало забываться.

Вот тогда в Архангельск и прибыли находки из Белльзунда. Арестованные по подозрению в убийстве Исаковы и Дружинин при перекрестном допросе вынуждены были признаться в своем преступлении. Они рассказали следующее.[1]

По прибытии на Грумант шхуна остановилась в Кломбае, и Гвоздарев, оставив на судне одного Борцевича, с восемью остальными людьми отправился на двух карбасах на промысел. 11 августа они пристали к берегу, поставили две палатки из парусов и разошлись на поиски оленей. Вечером шесть человек вернулось к палаткам, Гвоздарев с Каликиным и Тихоновым задержались. Тогда Антипин и решил привести в исполнение давно задуманный им вместе с Яковом Исаковым и Мыхиным план: овладеть шхуной, истребив порознь тех своих товарищей, которые воспротивятся этому и не покорятся им.

Подойдя к палаткам, Антипин крикнул, что он не намерен больше оставаться на промысле. Быстро забравшись в карбас, прихватив другой на буксир, он стал отчаливать от берега. Страх обуял всех оставшихся на берегу: карбасы были их единственным средством сообщения со шхуной. Все бросились из палаток к лодкам. Отойдя несколько от берега, стали держаться на веслах. Антипин закричал: «Ну что ж, ехать, так ехать». Это повторил и штурман Мыхин, и Яков Исаков (по прозвищу Колуп-собака), и его брат Василий. Потом все спросили Дружинина и Михайлова, как они думают, на что те ответили: «Воля ваша, вас четверо, а нас двое, уж ежели вы поедете, то куда ж нам оставаться. . .»

Когда пристали к шхуне, вышедшему навстречу Борцевичу так и объявили, что хозяина нет. «Куда же вы его девали?» — спросил он. Ему ответили, что те, которых нет, оставлены на берегу.

По возвращении на судно Исаковых стала, однако,

---

[1] Дело об убийстве Гвоздарева и его товарищей изложено в Морском сборнике, т. IX, июнь, 1853.

тревожить мысль — как бы брошенные на берегу не выжили и не донесли на них. Было решено прикончить несчастных.

Снова на шхуне остался один Борцевич. Другие все отправились к тому месту острова, где оставили остальных промышленников. Чтобы вызвать их к берегу, выстрелили из ружья. На выстрел через некоторое время показались Гвоздарев, Каликин и Тихонов. Они тотчас же догадались, какая участь их ждет. Подойдя поближе, они стали просить товарищей не делать им вреда, кланялись земно и умоляли не оставлять их одних на острове. Гвоздарев клялся, что жаловаться на них не будет. Некоторые, почувствовав жалость, хотели было их взять. Но Яков Исаков закричал: «Кто возьмет, того не пощажу, хотя бы и брата родного — горошину в спину пущу!» Всех смутила дерзость Исакова. Злоумышленники отчалили от берега и стали держать совет: обречь ли хозяина и двух его спутников голодной смерти или застрелить их теперь же? Решили стрелять, и вновь поплыли к берегу.

Увидев, что товарищи их возвращаются, трое обреченных стали снова умолять взять их с собой. На это Антипин и Исаков закричали: «У вас заряжены ружья, вы станете в нас стрелять. Бросьте их в воду». Гвоздарев, Каликин и Тихонов послушались: они бросили ружья в воду. В тот же момент Антипин и Исаков выстрелили в Гвоздарева, но оба промахнулись. Тогда началась дикая охота за тремя людьми, убегавшими что есть сил от берега. Антипин нагнал Гвоздарева, тот, запыхавшись от бега, остановился. «Григорий Андреевич, стреляй прямо в сердце, чтобы не мучиться!» — просил Гвоздарев. Антипин приставил дуло ружья к груди корщика и выстрелом в упор убил его наповал. Каликина и Тихонова догнать не удалось, они скрылись.

На следующий день преступники снова пытались отыскать бежавших, но не нашли их. Шхуна снялась с якоря и пошла вдоль берега к Рымбовской губе. Оттуда вышли в море. По дороге разломали один из двух карбасов, чтобы сослаться потом на шторм, во время которого, мол, и погибли вместе с карбасом трое недостающих товарищей.

Затем среди преступников начались разногласия по поводу дальнейшего пути. Отношения между ними обострились. Исаков, воспользовавшись случаем, по-сбрасывал поодиночке за борт еще трех человек. Оставшиеся направились в Норвегию. Здесь в местечке Берлевог они продали часть промыслового товара, наняли себе на подмогу двух норвежцев и пошли в Вардэ, где распродали все имущество Гвоздарева. На вырученные деньги была устроена попойка, во время которой задушили полотенцем еще одного из команды шхуны. Братья Исаковы и Дружинин после четырехмесячного отсутствия вернулись в родное село.

Все это выяснилось в результате следствия после находок на Шпицбергене. Основной уликой против трех бандитов послужила надпись, вырезанная погибшими на ложе и прикладе ружья.

ПОДАРКИ МОРЯ

Дело завоевания северных просторов, начатое отважными беломорскими поморами, продолжили русские ученые и моряки. Среди них достойное место занимает лейтенант русского военного флота, сын азовского рыбака Георгий Яковлевич Седов.

Седов снарядил первую русскую экспедицию к Северному полюсу. Средства для этой экспедиции, призванной прославить русский народ, собирались буквально по крохам, как милостыня, среди частных лиц. В газетах Седова травили как фантазера и авантюриста. Чиновники всяких министерств глумились над самой идеей достичь полюса. Ученые общества и морские государственные органы категорически отказывались помочь в снаряжении экспедиции.

На дряхлом и старом суденышке «Св. Фока» вышел Седов в 1912 году из Архангельска в свой прославленный поход. До наступления холодов шхуна не могла дойти до Земли Франца-Иосифа, откуда предполагалось достичь Северного полюса на собаках. Из-за чрезвычайно тяжелой ледовой обстановки в Баренцовом море экспедиция вынуждена была зазимовать у Новой Земли:

шхуну «Св. Фока» затерло льдами, и она без движения простояла почти год.

Участник седовской экспедиции на «Фоке» Н. В. Пинегин пишет, как перед зимовкой шхуны у Панкратьевых островов на Новой Земле он и геолог Павлов отправились осматривать окрестности.[1]

«Осматривая свои новые владения, мы прошли до замерзшей речки в юго-восточном углу бухты. Там сделали важное для нас открытие: эта часть берега усеяна плавником — на «Фоке» будет тепло в эту зиму.

«Каких только кусков дерева не было тут! Части кораблей, разбитых, может быть, сотни лет назад за тысячи километров отсюда или у этих же негостеприимных берегов, бревна, хорошо распиленные доски, стволы деревьев с корнями, и целые, и расщепленные о прибрежные камни, истертые и поцарапанные льдом.

«Тут попадались и другие вещи, — стоило бы поломать голову над вопросом, как они попали сюда, если б не было доказано, что воды Гольфштрема, идя от Мексиканского залива, достигают Новой Земли.

«Впоследствии среди этих естественных дровяных складов нашлось много интересных предметов, принесенных из стран, кипящих жизнью, сюда, в мертвые области, — вещей обыденных там. Никто не обратил бы внимания на обломок доски с выжженной надписью: «1797» — очевидно год, — а здесь этот хлам, который вы сбросили бы с дороги пинком, приобретал жуткое значение тем самым, что находился здесь, заставляя много думать о нем.

«Теперь я не придаю своей коллекции значения большего, чем она заслуживает: это собрание доказательств далекого южного течения, доходящего до Новой Земли. Но сколько образов воссоздавал каждый из предметов на месте! Вот блок допотопного устройства, — может быть, с каравелл самого Колумба? Может быть, блок сорван бурей с галлиота эскадры Виллоуби[2] или с яхты Баренца? Не висел ли блок на мачте ладьи безымен-

---

[1] Н. Пинегин, В ледяных просторах, Л., 1933.

[2] Виллоуби командовал одним из английских кораблей, снаряженных в 1553 году „Обществом купцов-изыскателей для открытия

74164

Центральный В.-М. музей
Библиотека

ного выходца с Волхова-реки Великого Вольного Новгорода?

«Какими судьбами приплыл сюда женский деревянный башмачок-сандалия, на котором даже ремни сохранились. Чья маленькая смуглая ножка носила его?

«Еще и еще: стеклянные шары, употребляемые вместо поплавков норвежскими промышленниками трески, обрывок спасательного пояса, бронзовый гвоздь в куске дерева, загадочный предмет, похожий на обрезок лианы, — да это все доказательства течения, пришедшего с далекого юга».

Коллекция Пинегина была передана им в Географический кабинет Ленинградского университета.

НАХОДКИ В РУССКОЙ ГАВАНИ

Советская экспедиция на ледокольном пароходе «Георгий Седов». 1930 год. Пароход стоит у берегов Новой Земли в Русской Гавани, географическое название которой дано ей самим Георгием Яковлевичем Седовым. Берег холоден и пустынен. Завешенные дымкой, густо синеют каменные новоземельские горы. Яркоголубым светом, словно исходящим из самой глубины льда, мерцает глетчер. Заревом полыхает над островом оранжевое полярное небо.

Среди членов экспедиции находится писатель И. С. Соколов-Микитов, написавший об этом походе книгу «Пути кораблей». [1]

Писатель отправляется в шлюпке на берег, чтобы совершить экскурсию и ознакомиться с этой древней Землей, на которой в прошлом многие русские люди сложили свои головы.

И действительно, первое, на что натыкается Соколов-Микитов на берегу, — это высокий покосившийся крест. С трудом прочитывает он вырезанную на кресте надпись:

стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещенных". Погиб вместе со своими шестью-десятью тремя спутниками от холода и цынги во время зимовки в устье реки Варсины на Мурманском берегу.

[1] И. Соколов-Микитов, Пути кораблей, Л., 1934.

„Поставлен С. К. промышленником
Коршиком Шуерецким Степаном Горяковым
с товарищи 1842
августа 8 дня
место Баренции
по старому у Богатого острова“.

Подле креста видны следы давнишнего поморского становища: торчат старые сваи.

«Я иду вдоль берега, — рассказывает писатель, — прислушиваясь к шуму набегающих волн. У самого края, покачиваясь на волнах, кормятся одиночные кайры. Берег завален плавником. Я иду и внимательно вглядываюсь в каждый выброшенный морем предмет. Множество разноцветных камешков и удивительных ракушек пересыпается под ногами. А вот между обсохшими бревнами валяется на песке старый берестяной лапоть, переплывший море, занесенный неведомо из каких мест. Вот на краю плавничины лежит детский деревянный кораблик, выброшенный волною на берег. Вот под грядою досок виднеется длинное морское весло и торчит кусок мачты с заржавевшим блоком. Какому потерпевшему крушение судну принадлежат это весло и кусок мачты?

«В плавнике, густо покрывавшем берег бухты, я нашел хорошо сохранившийся переплетенный бронзовой проволокой пробковый буй. На крышке было написано по-английски, что буй принадлежит экспедиции Болдуина-Циглера. [1]

«Свою находку я принес в охотничьей сумке на корабль. С большим трудом, при помощи судового меха-

[1] В экспедиции Болдуина участвовало сорок пять американцев и норвежцев и шесть остяков. Базируясь на Земле Франца-Иосифа, Болдуин рассчитывал на санях по льду добраться до Северного полюса (экспедиция имела четыреста двадцать собак и пятнадцать сибирских пони). Однако из-за раздоров внутри экспедиции, несмотря на прекрасное снаряжение, она не дала мало-мальски ценных результатов. После зимовки 1901/02 года на острове Альджере участники экспедиции совершили несколько санных экскурсий по архипелагу и устроили на северных островах несколько складов провианта. Летом 1902 года экспедиция вернулась в Америку.

ника, была отвинчена окислившаяся бронзовая пробка. Из запаянной медной трубочки мы извлекли записочку, написанную на машинке по-английски и по-норвежски следующего содержания:

«80°12′ сев. шир. 56°40′ вост. долготы. Лагерь Циглера, Земля Франца-Иосифа. Главная полевая квартира Болдуина Циглеровской полярной экспедиции, 23 июня 1902 года. Ближайшему американскому консулу. Срочно требуется доставка угля. Яхта «Америкэн» в открытой воде, в проливе Абердар с восьмого. Работа этого года успешна — огромный склад доставлен на Землю Рудольфа на санях в течение марта-апреля-мая. Собраны коллекции для Национального музея, обеспечен отчет, зарисовки хижины Нансена, превосходные фотографии, картины и т. д.. Осталось пять пони, 150 собак, нуждаюсь в сене, рыбе, 30 санях. Должен вернуться в начале августа, не добившись успеха, но не побежденный. Все здоровы. Двенадцатое донесение. Буй № 164».

«Внизу подпись самого Болдуина и приписано карандашом: «Спешите с углем. . .»

«В американской газете «Нью-Йорк Таймс», где была помещена телеграмма о находке буйка, появилось письмо Болдуина, в котором он рассказывает, что названный буек был отправлен на аэростате и за поимку его в свое время была обещана награда. . . в десять долларов.

«Жаль, что дедушка Болдуин живет далеконько и мне так и не доведется получить с него долг».

В УСТЬЕ РЕКИ ВАРСИНЫ

Известны случаи, когда в Арктике находили не только остатки судов, но и целые корабли. Мы расскажем о нескольких наименее известных случаях. К ним следует отнести находку русскими поморами двух кораблей в устье реки Варсины, на восточном берегу Мурманского побережья в 1554 году. Суда стояли здесь на якорях и были совершенно целы и исправны, но совершенно безлюдны. Проникнув в жилые помещения, поморы на каждом шагу стали встречать трупы чужеземцев и насчитали на обоих судах до шестидесяти трех замерзших людей.

Поморы не смогли определить ни происхождения кораблей, ни их назначения. Одно им было ясно, что это были не зверобойные суда и что их экипажи погибли от холода и цынги.

В 1555 году в устье реки Варсины зашел английский торговый корабль купца Киллингворта. Найденный при одном из трупов дневник, принадлежавший, повидимому, начальнику экспедиции, выяснил, что оба корабля являлись частью первой большой полярной экспедиции, снаряженной английским «Обществом купцов-изыскателей» для отыскания пути в Индию Северо-восточным морским проходом. Она вышла из Англии в мае 1553 года на трех судах. Из них лишь третьему, под командой Ченслера, удалось прийти в населенные места, но это была не Индия, — Ченслер попал через горло Белого моря к устью Северной Двины, открыв таким образом путь в Московию. Первые два судна Виллоуби, дойдя до острова Колгуева и встретив там непроходимые льды, вернулись, но по дороге принуждены были зазимовать в устье реки Варсины, где во время зимовки все люди экспедиции и погибли.

Из дневника Виллоуби выяснилось, что в середине зимы 1554 года кое-кто из участников экспедиции, в том числе и сам Виллоуби, были еще живы.

На долю купца Киллингворта выпала печальная обязанность — доставить два «корабля смерти» на родину — в Англию, откуда участники экспедиции отправлялись при ликовании народа, собравшегося на их проводы на открытие пути в знойную Индию.

КОРАБЛИ В ЛЕСУ

Мичман Ф. Ф. Матюшкин, участник полярной экспедиции Врангеля 1820—1824 годов, готовясь в Нижнеколымске к предстоящим поездкам по Северу, собирал у местных жителей различные сведения о пребывании здесь прежних исследователей, среди которых были и Геденштром — первый исследователь Новосибирских островов, и замечательные русские моряки Дмитрий и Харитон Лаптевы, и экспедиция Биллингса—Сарычева. Кое-какие вещественные следы пребывания экспедиции Дмитрия

Лаптева Матюшкин нашел в одном из пустых сараев острога. Это были пешни для обколки льда вокруг корабля, обрывки якорных цепей, мортиры, ядра.

Однажды он отправился в пробный рейд на собачьей упряжке из Нижнеколымского острога в глубину тундры. Не рассчитывая только на каюров-якутов, он сам учился управлять упряжкой.

Подражая окрикам каюров, Ф. Матюшкин, вооруженный остолом (длинным шестом), гнал свою упряжку по плотной снеговой пелене тундры. Для свежих собак, не изнуренных еще походами, было пустяком пересечь тундру и доставить своего пассажира к опушке редколесья верстах в десяти от острога.

Это был лиственничный лес, состоявший из худосочных, тонких, с искривленными стволами деревьев, вмерзших корнями в обледеневшую тундровую топь. Проехать через этот лес ничего не стоило. Вдруг что-то замелькало сквозь редкие стволы деревьев. Что-то черное, большое... Скалы в тундре? Огромные гранитные валуны?.. Не может быть! Здесь, в тундре, нигде не видно было камней, валунов, скал.

Матюшкин направил упряжку к странным черным силуэтам, едва видимым в окружении серо-пепельных стволов лиственниц.

Приближаясь к ним, он не верил своим глазам: чем ближе, тем яснее вырисовывались очертания корабельных корпусов... И действительно, подъехав вплотную, он увидел два корабля. Один из них был довольно крупным, другой поменьше. Они были похожи на туши черных китов, выброшенных на берег морским прибоем.

Привязав упряжку к дереву, Матюшкин пошел осматривать свою неожиданную находку. Один из кораблей стоял на киле, поддерживаемый окружающими лиственницами, другой лежал на борту, но оба были в сравнительно хорошем состоянии и не носили следов разрушения, хотя рангоут их был поломан. На корме судов он прочел их названия: «Пал...» и «...шна».

Ф. Ф. Матюшкину, знавшему историю полярной экспедиции Биллингса — Сарычева, работавшей здесь пятьдесят лет назад, нетрудно было восстановить оба названия. Это были «Паллас» и «Ясашна» — корабли этой

экспедиции. Но как попали они в лес на такое расстояние от реки Колымы, по которой ходили когда-то, не сразу можно было догадаться.

Очевидно весной, подхваченные сильным наводнением, суда биллингсовской экспедиции, стоявшие у Среднеколымска, сорвало с якорей и понесло вниз по Колыме.

Так, не разлучаясь, корабли плыли до Нижнеколымска, где их занесло течением в сторону тундры. Зацепившись на спаде половодья за корявые лиственницы, они остановились, а когда вода спала, опустились на землю. Здесь и нашли они свой вечный покой, никем не тревожимые и всеми забытые, в том самом положении, в каком их обнаружил зимой 1820 года Ф. Ф. Матюшкин. [1]

ТАЙНА СГОРЕВШЕГО БОТА

Экспедиционное судно «Персей» совершило в 1927 году осенний рейс, в котором ему удалось обогнуть Новую Землю со стороны Карского моря. Проходя через Карские Ворота, «Персей» зашел в Петуховский Шар, чтобы возобновить запас пресной воды. В маленькой бухточке экспедиция обнаружила две избы, моторно-парусный бот и ненецкий чум. Здесь находилась промысловая колония Госторга, состоявшая всего из десяти русских и ненцев. Поселившись здесь незадолго до этого, промышленники успели осмотреть южную оконечность Новой Земли. Они сообщили начальнику экспедиции на «Персее», что в Карских Воротах, в Никольском Шаре, на отмели лежит полуобгоревший разбитый норвежский бот.

7 сентября семь персеевцев через Железные Ворота, названные так Пахтусовым за узкость скалистого прохода, вошли на моторной лодке в Никольский Шар и прибыли к островку Среднему. Он оканчивался длинной косой, обращенной в сторону пролива. На северной сто-

---

[1] Находки мичмана Ф. Матюшкина описаны в книге Ф. Врангеля, Путешествия по северным берегам Сибири и Ледовитому морю, СПб., 1841.

роне косы и лежал бот, о котором рассказывали промышленники.

В самом боте, сохранилась только каюта и кубрик в носовой части. Через открытый люк виднелись койки. Нижние были залиты водой, а на левой, верхней, лежал труп. На палубе нашлась нижняя челюсть человеческого скелета, других остатков которого нигде не было видно. В кубрике имелось пять коек.

Персеевцы тщательно обшарили бот, ища разгадки обстоятельств его гибели. В воде под правым бортом нашлось много книг, бумаг, фотоснимков. Среди них было обнаружено несколько судовых документов, выданных в Норвегии. Из документов явствовало, что бот был построен в 1906 году, в 1919 году побывал в Архангельске, в 1921 году приписан к Гаммерфесту.

Наличие норвежских писем, книг на скандинавских языках, норвежского почтового флага заставляло предполагать, что это труп какого-то норвежского полярного исследователя. Норвежцы нередко плавали здесь на промысловых ботах. Но дальнейшие находки изменили первоначальное заключение. Нашлись и русские книги, на одной из которых — учебнике морской практики — имелась надпись: «сия книга штурманского помощника Афанасия Рослякова, 1899, мар. 12». Кроме того, на вытащенных из воды размокших фотографиях можно было различить пятерых русских поморов, стоящих на палубе того же бота.

При переноске трупа из каюты в ногах у него оказался пиджак, в кармане которого нашлись две намокшие записки. С трудом расправив их, персеевцы разобрали, что они выданы Максимом Варзугиным и Василием Рыликовым Афанасию Рослякову, которого они покинули с тем, чтобы итти к осеннему рейсовому пароходу в Большую губу. Росляков «остался от нас здоров, с ним также остался кто-то четвертый, который вместе с Росляковым зафрахтовал бот». В записках говорилось, что бот был взят в Норвегии. Из Териберки на Мурманском берегу пошли к Святому Носу, здесь промыслы были плохие. Пошли дальше к Новой Земле. Возле острова Вайгача «сели на грунт», бот дал течь. Пришлось зайти в одну из бухт Новой Земли.

Здесь Варзугин и Рыликов, считая, что на боте с течью назад не уйдешь, а продовольствия на всех нехватит, ушли к пароходу. В одной из записок они перечисляют, сколько напромышляли до ухода, но никаких следов пушнины персеевцы в боте не обнаружили. Очевидно, ею кто-то уже воспользовался.

Тогда стали производить поиски в воде, наполнявшей бот. Из воды были выловлены пальто, рубаха, чулки, чемоданы. Под изголовьем койки обнаружили дневник. Это была ценная находка, и она пролила свет на многие события этой полярной трагедии.

На внутренней стороне корешка было написано: «Сей дневник писал на Новой Земле южном конце Афанасий Григорьевич Росляков 1924 года 9/I», а сам дневник начинался с 1 сентября того же года.

Из него явствовало, что весь сентябрь и октябрь бот, несмотря на течь, плавал между Петуховским Шаром и Кусовой Землей. «6 сентября ночевали в Петухах. 20. Ночевали на конце Кусовой Земли. 23. Вернулись через Петухи в губу Заблудящую. Ночевали дома в старой избе».

Тут кто-то из персеевцев вспомнил, что имѐнно в губе Заблудящей «Персей» нашел избу, на стене которой имелась надпись мелом: «Сию избу ставил А. Росляков в 1923 г.», а на столбе была прибита записка: «Мы ушли в губу Каменка 24 сентября 1924 г.»

Далее в дневнике упоминалось о попытках починить бот и о чистке машин, а под 28 числом впервые появляется фраза, касающаяся оставшегося с ним спутника. «Старик нездоров», — записал Росляков.[1] 25 октября машину удалось-таки починить. До 31 октября шли на восток, но медленно, ибо мешали штормы и туманы... 31 стали на якорь у Кусовой Земли, в Никольском Шаре, у острова Среднего.

Росляков хотел, повидимому, пройти в губу Каменку, как писал в записке, оставленной в избе. Там, на карской стороне, промысел предполагался лучший. Но почему-то ему не удалось пройти. 3 ноября он пытался вый-

---

[1] Дальнейший рассказ составлен по книге С. Обручева, На „Персее" по полярным морям, М., 1929.

ти из Шара, но крепкий ветер загнал его обратно. Десять дней бот стоял на месте. Было пасмурно, потом повалил снег, а там ударил и мороз. Приходилось, видимо, зимовать в Никольском Шаре, хорошо, как им казалось, защищенном ото льдов.

24 ноября наступила полярная ночь.

25 ноября на боте вышли все дрова. Начали пилить утлегарь на топливо.

А потом бот стало носить в губе штормом то туда, то сюда, пока «не поворотило близко к берегу, дотыкало кормой». Наконец, когда бот придрейфовало к острову Среднему, шуга смерзлась и можно было сходить на берег.

В самом дневнике Росляков мало уделяет внимания описанию своего состояния, а главным образом производит записи показаний барометра, силы и направления ветра, состояния погоды и бота, но самый этот деловой лаконизм подчеркивает особенную трагичность положения двух людей, оставшихся на боте.

9 декабря «зачали мешок муки. В люгере[1] на полу вода, ходим по лавкам». Дальше положение зимовщиков становилось все тяжелее. Росляков записывает: «старик очень болен. Головокружение... Подавал ему в койку. Лед разломал до шойты. Шойту терло льдом. Старика грел, клал примус под койку. Стрелял медведя, ранил, ушел в море. В 6 час. вечера старик без ума заговорил».

Далее начинается медленная агония бота и двух людей. «Старик очень болен. Все время колотит бот льдом. 28. Цепь лопнула у якоря, и нас отнесло от берега на 300 сажен. 30. Лед начало выносить из губы. Всю ночь не спал. В люгере по лавкам вода. Помпа испортилась. 31. Сильно било льдом нас. 4 января. Старик очень болен, и сам тоже. 6 января. Старик болен очень. Лед весь выносит из губы. Мы в 2 саж. от берега, но на берег попасть нельзя. Шлюпку разломило льдом. Нету воды!».

7-го Росляков переправляется на обломке шлюпки и достает дров. «9. Обед старик не мог поесть поданный

---

[1] Боте.

ему суп в койку. Полежит немного, да опять за суп. 11. Я ходил на гору, а старик лежит, дожидает смерти».

«18. Вода, нельзя попасть на берег. Старик бредил без сознания. 19. Старик бредил всю ночь и стонал ужасно. 20. В 6 час. утра дедушка скончался. . .»

Сам Росляков в это время был уже настолько слаб, что не мог похоронить покойника на острове, а лишь вытащил его на палубу. Вот почему челюсть старика и была там найдена. Далее отрывочные фразы дневника говорят о том, что Росляков день ото дня слабел все больше и, не имея сил даже затопить печку, стыл до такой степени, что помораживал себе ноги. Сознавая всю безвыходность своего положения и ожидая неизбежного конца, он пишет, наконец, трогательное завещание неведомому «доброму человеку», который, как он надеется, найдет его труп.

«Если же писать все подробно, то надо большая книга. Ничего не поделать, судьба не допустила более жить. Оторвало руль и штевень шугой. Теперь болен и поморозился. Лежу беспомощный, дожидая конца жизни. Последнее мое желание: если бы кто нашел меня и положил в камни — тот добрый человек. Кабы лежать на сухом берегу. . . Афанасий Росляков из Териберки».

Последняя страничка дневника, в которой был заложен карандаш, описывает три последние мучительные дня: «Страшная боль в ногах. Не могу встать. Жажду утоляю снегом».

Так под холодной и сырой палубой, обросшей инеем, на мокрой койке, под унылый свист штормового ветра в такелаже бота, под скрип мачты и вой злой пурги угасла жизнь русского морехода.

Последняя мечта Афанасия Рослякова, хотя и спустя два с половиной года, сбылась. «Добрые люди» похоронили его тело «в камнях» и поставили на могиле обрубок мачты с бота с надписью на перекладине:

«А. Г. Росляков 17/II 1925
Э/с «Персей» 1927»

ПОСЛЕДНИЙ ЛАГЕРЬ ВОЗДУХОПЛАВАТЕЛЕЙ

В 1930 году на борту небольшого промыслового судна «Братваг» на Землю Франца-Иосифа направлялась норвежская научная экспедиция под начальством Гунара Хорна. Команда «Братваг» во время пребывания в северных водах должна была заниматься зверобойным промыслом. Успешный промысел мог значительно снизить расходы на скромную экспедицию, снаряженную на общественные средства.

Так как конечной целью плавания являлась Земля Франца-Иосифа, то ни промышленники, ни ученые на попутных островах не задерживались. Состояние льдов было весьма благоприятным для плавания. В начале августа 1930 года «Братваг» взял курс на восток от Шпицбергена к Белому острову — восточному аванпосту Свальбардского[1] архипелага. Остров очень редко посещался промышленниками.

Их мало привлекала эта скалистая земля, вся укрытая ледником, с отвесными недоступными скалами, к которым только с юга-запада и северо-востока примыкают две косы.

Лавируя между севшими на мель айсбергами, «Братваг» приблизился к юго-западному краю острова. С палубы был виден низкий, чуть заснеженный берег, высовывавшийся из-под подошвы ледника. Судно стало на якорь в полумиле от острова.

В моторный катер уселись люди, вооруженные ружьями, гарпунами, сетками, ботаническими ящиками и другими научными орудиями. Пристали к низкому берегу в глубине небольшого заливчика. Полоска земли была всего лишь километра в два шириной. Берег постепенно повышался по направлению к стене ледника.

Норвежцы направились к леднику. По дороге встретили плато, занятое колонией полярных чаек. Заметив приближение людей, чайки белой тучей поднялись на воздух. Не найдя здесь ничего особенно инте-

---

[1] Свальбард — на древнеисландском языке значит „Холодный край". По предложению Нансена так был назван норвежцами архипелаг Шпицбергена.

ресного, ученые вернулись вечером на борт судна. Матросы же славно поохотились на моржей.

И в этот и в последующие дни охота развертывалась все шире. Шкипер судна Элиассен принимал в ней самое деятельное участие, буксируя к берегу убитых моржей.

6 августа шкипер вернулся на судно раньше обычного и сообщил о находке на берегу парусиновой лодки, полной всевозможного снаряжения. Невдалеке от нее он видел труп.

Для подтверждения своего рассказа Элиассен привез книгу, найденную в лодке. . . Книга была тяжелая, мокрая, со слипшимися листами, но в некоторых местах ее можно было развернуть, и тогда стало ясным, что это обсервационный журнал какой-то экспедиции с подробными записями астрономических наблюдений. Они чередовались с заметками о запасах провианта, недельными рационами и другими сведениями. Поражали аккуратность и старательность записей, словно они делались в теплом жилом помещении. . .

На первой странице дневника, более всего подвергшейся разрушению воды и времени, удалось разобрать заглавие: «Санное путешествие 1897 года». Не могло быть никакого сомнения в том, что этот обсервационный журнал и все остальные находки являются остатками прославленной воздушной экспедиции Андрэ и что журнал велся после гибели аэростата, на котором три смелых воздухоплавателя — Андрэ, Стриндберг и Френкель — вылетели с Датского острова на Шпицбергене в июле 1897 года в надежде достигнуть полюса. С того времени прошло тридцать три года, и вот только теперь тайна экспедиции Андрэ готова была открыться.

Захватив брезенты, лопаты, ломы и кирки, команда вместе с учеными поспешила на берег к месту находки. С понятным волнением подходили норвежцы к брезентовой лодке, полупогребенной в снегу. Они стояли перед тайной, которую тридцать три года старалось разгадать человечество, и каждый из присутствовавших ощущал исключительность этих минут. Парусиновая лодка Андрэ лежала в нескольких метрах от обнаженной скалы, зарывшись бортом в лед.

Предметы, оказавшиеся в ней, находились в хаотиче-

ском виде. Люди не могли оставить их так, даже терпя бедствия. Ясно было, что здесь похозяйничали медведи. У борта лодки, обращенного к морю, оказалась пачка книг.

Раскопки представляли большие трудности: все предметы так плотно вмерзли в лед, что, откалывая его, легко можно было их повредить. Тем не менее, норвежцам удалось после осторожной обколки извлечь из лодки два дробовых ружья, сплющенные алюминиевые коробки, клубки веревок, анемометр, фотоаппарат, ящичек с различными швейными принадлежностями, части одежды, теодолит. Дальше следовал второй шлюпочный багор, молоток, напильник, гарпун и остатки медвежьих костей. Много предметов снаряжения было найдено в снегу: тяжелый патронный ящик, свернутый шведский флаг со знаком унии с Норвегией, куски черной и красной ткани, цельные штаны, длинный ящик с инструментами, барометр, а там еще лоскуты парусины от лодочной обшивки.

Рядом с лодкой был найден носовой платок с меткой «Н. С.». Метрах в десяти на скале лежал труп, обнаруженный Элиассеном, вмерзший в лед. Это был уже скелет. На нем сохранились башмаки, частью покрытые снегом, кругом валялись лоскутья одежды. Кости верхней части скелета и череп отсутствовали. На подкладке полуистлевшей куртки, когда ее осторожно расстегнули, увидели большую вышитую монограмму «А», что давало повод думать, что это были останки Андрэ.

Во внутреннем кармане нашли только что начатый дневник, карандаш и шагомер. Неподалеку от скелета Андрэ из-под снега торчал приклад ружья. Тут же оказался примус, встряхнув который люди убедились, что в нем имеется керосин. Когда кто-то накачал его, то горючее забило через горелку тоненькой струйкой, словом, примус оказался в полной исправности. Тут же лежала чашка, кастрюля и другие принадлежности походной кухни. Метрах в пятидесяти отсюда найдена тазовая кость, принадлежащая, повидимому, скелету Андрэ.

В другом месте, метрах в тридцати к северу, обнаружена была чья-то могила, устроенная в узкой расщелине между двух скал. Это была типичная полярная

могила: труп был положен прямо на землю и завален камнями. Ноги в обуви торчали из-под камней наружу по одну сторону расщелины, череп выкатился по другую ее сторону.

Обследовав поверхность снежного поля и сняв план лагеря с обозначением расположения предметов, разбросанных по нему, норвежцы приступили к освобождению парусиновой лодки от снега. Поднять ее не представлялось возможным — что-то ее держало снизу. Приступили к обколке. Тогда выяснилось, что лодка стоит на санях, накрепко привязанная к ним. Перерезав веревки, лодку подняли и поставили на поверхность снежника. Другие сани, стоявшие поодаль, вытащить не представляло особенного труда.

Закончив работу по сбору предметов лагеря Андрэ и собрав останки отважных исследователей Арктики — Андрэ и Стриндберга, норвежцы поставили мемориальный знак рядом с местом находки скелета Андрэ и среди камней положили бутылку с запиской следующего содержания:

«На этом месте Норвежская экспедиция Земли Франца-Иосифа на моторном судне «Братваг» из Олезунда, шкипер П. Элиассен, нашла останки шведской экспедиции Андрэ. Белый остров, 6 августа 1930 г.»

Все находки были доставлены на судно. Норвежцев мучила мысль, что ими не найдены следы третьего участника экспедиции — Френкеля. Весьма вероятно было также, что они не обнаружили многих других важных документов, оставшихся подо льдом на острове Белом.

И действительно, когда мир получил, наконец, известие о находках, и они были доставлены сначала в Норвегию, а потом и в Стокгольм, для дальнейших поисков было отправлено на остров Белый шведское спасательное судно «Айсбьерн». Производя дополнительные раскопки, шведы обнаружили скелет Френкеля, его записную книжку, дневник Стриндберга, третьи нарты, весла, якорь, клочки одежды, башмаки, обрывки оболочки воздушного шара, письма, инструменты и различные хозяйственные принадлежности.

Когда в Швеции разобрались в находках и докумен-

тах, проявили фотопленки, заснятые Андрэ и найденные на о. Белом, создалась возможность полностью восстановить все события, сопровождавшие экспедицию.

Выводы были следующие.

Поднявшись в воздух 11 июля 1897 года, аэростат с трудом набрал высоту пятьдесят—сто метров. Бороздя гайдропами воду, он взял направление к северо-востоку от бухты Вирго на Датском острове Шпицбергена.

Через восемь часов после вылета Андрэ выбросил на лед, который сменил открытую воду, один из тринадцати буйков, захваченных им с собой, с запиской, что полет протекает благополучно. Этот буек был найден три года спустя у северных берегов Норвегии. Второй и последней вестью, полученной от экспедиции, была записка на почтовом голубе, которого случайно заметили на Шпицбергене. Этот голубь был третьим, выпущенным из шара, как свидетельствовала записка. И на этот раз все шло благополучно. Шар то поднимался на высоту шестьсот метров, то опускался до двухсот сорока метров. Так он летал почти сутки, делая до девяти метров в секунду. Однако уже в ночь на 12 июля началось сильное обледенение. Аэростат опустился столь низко, что гондола его дважды ударилась об лед. За борт были выброшены якорь, балластный канат и большой буек, но это не помогло делу: оболочка шара намокала в нависшем тумане и сильно обмерзала. Так, то взлетая, то опускаясь и волочась по льду, как смертельно раненая птица, «Орел», наконец, зацепился за торос, лег и был покинут своими пассажирами.

Аэронавты превратились в пешеходов. Они тащили за собой единственный парусиновый бот, погруженный на сани. Все достояние путешественников находилось на этом боте. Решили итти к Земле Франца-Иосифа. Но бот был слишком тяжел для передвижения силами трех человек по торосистому льду, который, кроме того, вследствие дождя покрылся густым и глубоким рассолом. Путь по льду был ужасен и довел их до полного истощения сил. Тогда шведы решили искать любую ближайшую землю. Все согласились начать новое скитание, держа путь на Семь островов, в надежде дойти до них через шесть—семь недель.

Трудности предшествовавшего пути уже надорвали их силы. К тому же льдина, на которой они устроили было снежную хижину, стала быстро дрейфовать, а затем раскололась на куски. Люди уже выбились из сил, когда 15 сентября впервые увидели землю. Это был остров Белый, к берегам которого принесли их льды. Спасшись на нем, шведы устроили себе лагерь, он оказался для них роковым: сначала умер Стриндберг, которого похоронили двое оставшихся, а потом, повидимому, одновременно Андрэ и Френкель. Не то они уснули и холод их прикончил, не то их постигла какая-то внезапная катастрофа: либо снежный обвал с ледника, либо сильный снежный шторм совершенно занесли последний лагерь отважных воздухоплавателей.

После того как останки погибших были преданы кремации в Стокгольме, состоялось торжественное траурное заседание Шведской Академии наук, посвященное их памяти. Наиболее яркое слово принадлежало секретарю академии, поэту Эрику Карлфельдту, который сказал:

«Многое прошло с тех пор, как вылетел Андрэ. Если представить себе, что он мог бы вернуться сюда живым, то он увидел бы подтверждение своей твердой веры в науку и технику. За его бедным «Орлом», слабым и с подрезанными крыльями, последовали летательные аппараты, достаточно мощные для того, чтобы противостоять силам природы. Его заблудившегося голубя заменили говорящие воздушные волны, передающие человеческое слово через безграничные пространства. Андрэ был человеком, проложившим новый путь в Арктику и возвестившим миру: «Мы будем летать, как орлы, и ничто не сломит наших крыльев».[1]

МЕМОРИАЛЬНЫЙ СТОЛБ „ГЕРКУЛЕСА"

В конце августа 1934 года гидрографическая экспедиция на моторно-парусном боте «Сталинец» открыла в группе островов Мона к западу от мыса Стерлегова небольшой островок. Участник этой экспедиции А. П. Гу-

[1] Гибель экспедиции Андрэ, Сборник, перевод с норвежского, Л., 1931.

сев высадился на него для топографической съемки. В центральной части островка гидрограф неожиданно обнаружил высокий столб из плавника с вырезанной на нем надписью: «Геркулес» — 1913 год». Возле столба валялись цинковая крышка от патронного ящика и старые сломанные нарты.

Гусев разобрал гурий, в котором было укреплено основание столба, в надежде найти записку, но ничего не нашел. Тогда он с любопытством стал искать каких-либо иных вещественных следов пребывания на островке людей, но их тоже не обнаружил.

Эта находка так заинтересовала гидрографов, что они с возросшим вниманием стали присматриваться ко всему, что могло бы навести их на другие следы, объясняющие первую находку.

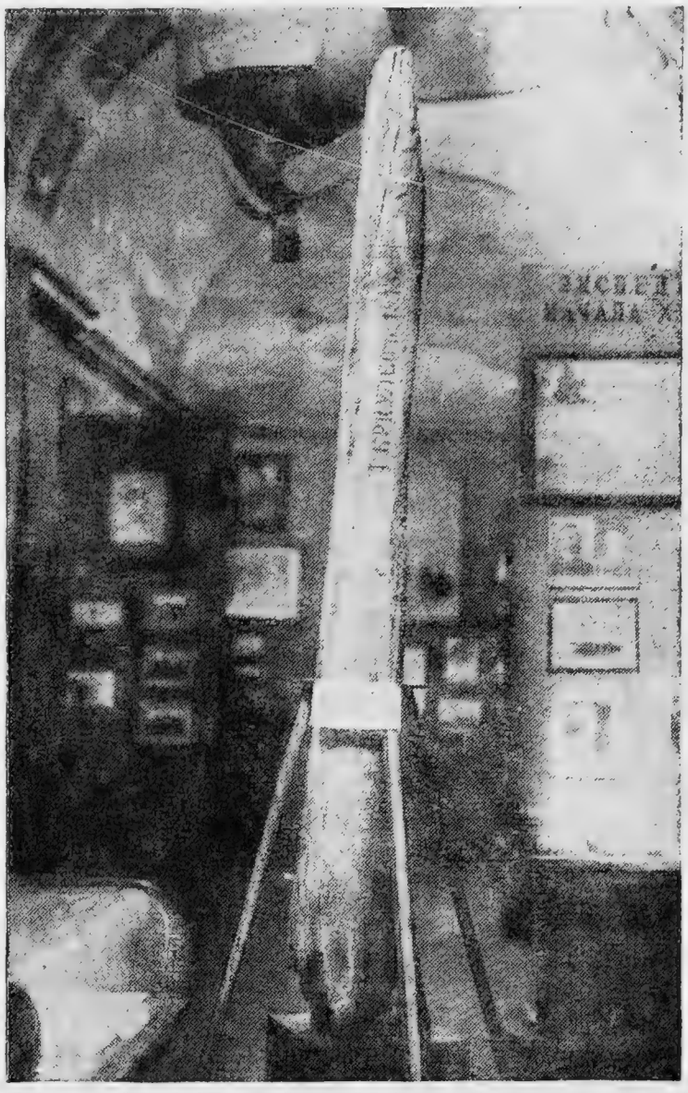
Несколько позже, 9—10 сентября, другому участнику экспедиции, М. И. Цыганкову, высадившемуся на еще меньшем безыменном островке, лежащем в двенадцати-тринадцати километрах от материка, посчастливилось сделать новые замечательные находки: шагах в тридцати от береговой черты, в прибрежной гальке, заваленной плавником, он заприметил различные вещи и документы.

Здесь оказались остатки истлевшей одежды, сломанный фотоаппарат системы «Кодак», горный компас с разбитым стеклом, части дробового ружья, две ложки, гребенки, оправа от кожаного портсигара, серебряные часы с инициалами боцмана «Геркулеса» В. Г. Попова, наконец, мореходная книжка матроса того же судна А. С. Чукчина и рекомендательная справка на имя первого. На более возвышенной части острова, куда даже во время прилива не достигают морские волны, нашлись остатки примитивного шалаша, служившего временным приютом русановской партии, а рядом с ним валялись разбитый ящик и жестяные банки из-под консервов.

Рано наступившая полярная осень, заставлявшая бот «Сталинец» спешить с уходом, а также сильно промерзший грунт помешали гидрографам продолжать дальнейшие раскопки бывшего бивуака русановцев, и они увезли с собой лишь то, что нашли.

Эти находки были первыми вестниками, проливавшими свет на судьбу экспедиции Русанова.

Геолог В. А. Русанов, бывший политический ссыльный, получивший особую премию Парижской Академии наук за свои научные исследования на Новой Земле и Шпицбергене, в 1912 году отправился в новое полярное плавание на моторно-парусной шхуне «Геркулес». Это было небольшое деревянное судно с керосиновым двигателем в восемнадцать лошадиных сил, длиной около двадцати трех с половиной метров. Гордое имя «Геркулес» звучало иронически по отношению к этой скорлупе. Но на более солидное судно Русанову нехватало средств, а царское правительство весьма неодобрительно относилось к любой смелой инициативе в области исследований Арктики и Северного морского пути.



Мемориальный столб с надписью: «„Геркулес“ — 1913 год».

Экипаж шхуны «Геркулес» состоял из десяти человек: капитана Кучина (бывшего участника амундсеновской антарктической экспедиции), штурмана Белова, студента-механика Семенова, боцмана Попова и шести человек матросов. Научными работниками состояли: зоолог Сватош, обязанности гидролога исполнял капитан Кучин, геолога — Русанов и врача — его жена, француженка Жюльетта Жан.

Программа научных работ экспедиции была весьма обширна. «Геркулес» должен был побывать на Шпицбергене, где предстояло провести изучение каменноугольных залеганий. Но главное (и об этом Русанов никому не

говорил) он задался целью повторить знаменитый в истории полярного мореплавания норденшельдовский рейс «Веги». Русанов избрал для «Геркулеса» своеобразный маршрут. Подобно голландскому географу Планциусу, он полагал, что наиболее свободный путь к устьям великих сибирских рек лежит в высоких широтах, а именно в обход мыса Желания, примерно под 78-й параллелью, куда, по его мнению, достигают наиболее мощные струи одной из ветвей Гольфштрема.

Возвращаясь со Шпицбергена, где он оставил двух своих научных сотрудников, Русанов направился на своем маленьком «Геркулесе» в обход Новой Земли с севера, но еще в Баренцовом море попал в такой сильный шторм, что шхуну отнесло южнее Маточкина Шара, где она и вынуждена была пристать к губе Поморской.

Оставленная здесь Русановым краткая записка была последним известием об экспедиции. С тех пор никто больше не видел никого из ее участников. Не могли отыскать их следов и поисковые экспедиции, снаряженные в 1913—1915 годах. Признаков пребывания русановцев не было обнаружено ни на севере Новой Земли, ни на острове Уединения, ни у северо-западных берегов Таймыра, ни на Северной Земле. И лишь находки предметов объяснили кое-что. Во всяком случае, они рассказали, что «Геркулес» погиб где-то в Карском море, что уцелевшие спутники Русанова, пробираясь пешком на материк, имели на островах Мона и на безымянном островке привал и, должно быть, продолжали путь дальше, но все же не дошли до населенных мест и погибли от истощения или утонули.

«Столб Русанова» в 1938 году доставили в Музей Арктики, а островок, где его нашли, получил название острова Геркулес.

ОТКРЫТИЯ НИКИФОРА БЕГИЧЕВА

Известный полярный промышленник и исследователь Арктики Никифор Бегичев, находившийся осенью 1906 года на крайнем северо-востоке Туруханского края на песцовом промысле, узнал от кочующих в тундре эвен-

ков, что у входа в Хатангскую губу лежит какой-то остров. Бегичев заинтересовался этими слухами, расспросил более подробно и решил отыскать неведомый остров и обследовать его.

Весной 1907 года, вернувшись с промысла на место постоянного своего жительства—Дудинку, Бегичев отправился в Красноярск и закупил там все нужное снаряжение для экспедиции. С ним отправились на поиски дудинский житель Николай Сименов и долган Диомид Уксусников.

В последних числах февраля 1908 года все трое достигли на оленях Анабара и остановились здесь ждать теплого времени.

С 23 марта они стали подвигаться к морю, охотясь на диких оленей. Выйдя к берегу моря и осматривая с возвышенного мыса горизонт в бинокль, Бегичев действительно увидел остров. Он съездил туда сначала один налегке, чтобы убедиться, что это не мираж, а удостоверившись в реальности острова, он вернулся, забрал своих спутников, перебрался с ними на остров и приступил к его осмотру. Во время путешествия Бегичев обнаружил выходы на поверхность пластов каменного угля.

На этом же острове, получившем впоследствии его имя, Бегичев нашел полуразвалившееся зимовье. Оно стояло на берегу довольно большой речки, которую боцман назвал в честь одного из

Часть мемориального столба Э. Толля с острова Беннета.

своих спутников — рекою Сименова. Хибарка была древней, неизвестно когда и кем поставленной. Но в ней он сделал интересные находки, говорившие о том, что здесь зимовали некогда безызвестные русские исследователи Арктики, так как находки состояли из пяти топоров, сделанных наподобие древнерусских секир-алебард, и искусно вырезанных из мамонтовой кости шахмат.

Очевидно зимовщики коротали за игрою в них долгую полярную ночь и, может быть, тут же окончили свои дни от злой полярной гостьи—цынги, хотя Бегичев и не нашел следов их погребений или останков. Если бы они ушли с острова живыми, то, конечно, не забыли бы захватить с собой и те предметы, которые стали находками Бегичева...[1]

Тысячи километров сибирского полярного побережья обошел Бегичев за долгие годы своей подвижной промысловой жизни. Сотни интереснейших находок принадлежат ему. Еще до своего поселения в Дудинке Бегичев добровольно пошел в полярную экспедицию, снаряженную Академией наук и руководимую русским ученым геологом Э. Толлем. Несмотря на то, что сам Бегичев не был по-настоящему образованным человеком, он отдался всей душой науке и служению ее интересам. Он сделался незаменимым членом экспедиции Толля, отправившейся на судне «Заря» на поиски проблематической Земли Санникова в Восточносибирское море.

Толль, ушедший с тремя спутниками с зимовавшей у Новосибирских островов «Зари» на остров Беннетта, как известно, погиб. Бегичев принял самое деятельное участие в розысках пропавших, отправившись на остров Беннетта на парусном китобойном боте в сопровождении нескольких мезенских поморов. Партия достигла острова Беннетта, разыскала опустевшую хижину Толля и нашла бутылку с его письмом на имя президента Академии наук и несколько ящиков с геологическими коллекциями Толля. Доставить эти ящики на материк ввиду их тяжести экспедиция не смогла. Блестящее выполне-

---

[1] П. Устимович, Остров Бегичева, Труды Полярной комиссии Академии наук, изд. Академии наук, Л., 1932.

ние этого рискованного предприятия создало Бегичеву славу замечательного разведчика-следопыта Арктики, и Академия наук преподнесла ему золотую медаль.

ЧЕРЕЗ ТАЙМЫРСКУЮ ТУНДРУ

В 1918 году Руал Амундсен предпринял на судне «Мод» попытку пройти к Берингову проливу Северо-восточным проходом. В сентябре, миновав мыс Челюскина, в двадцати милях к юго-востоку от него, судно встретило сплошные неподвижные льды и вынуждено было стать на зимовку в небольшой бухте, названной «Гаванью Мод».

Весной члены экспедиции прошли вдоль северного берега Таймырского полуострова на запад до фиорда Гафнера, засняв все побережье и изучив во многих пунктах действие земного магнетизма. На мысе Челюскина был установлен медный шар со следующей выгравированной на норвежском языке надписью:

Покорителям NO прохода
Адольфу-Эрику Норденшельду и его спутникам
экспедиция на „Мод“ 1918—1919 гг.

На верхней половине медного шара диаметром в тридцать сантиметров были выгравированы контуры побережья Европы и Азии, от Норвегии до Берингова пролива, и путь судна Норденшельда «Вега», которое впервые прошло Северный морской путь в 1878—1879 годах.

Этот «глобус Амундсена» был разыскан научными работниками полярной станции мыса Челюскина и передан ими в Музей Арктики.

Осенью 1919 года, когда «Мод» Амундсена двинулся дальше на восток, два норвежских матроса Тессем и Кнудсен остались на берегу. Этим двум морякам Амундсен поручил доставку на радиостанцию острова Диксона сведений о ходе сквозной экспедиции, для дальнейшей передачи их по радио в Норвегию. Моряки

вышли в тяжелый девятисоткилометровый поход через Таймырский полуостров и пропали без вести. По просьбе норвежского правительства поиски их были поручены Бегичеву.

Нужно было иметь огромный опыт следопыта, чтобы проследить среди пустынной прибрежной тундры следы двух исчезнувших людей.

Весной 1920 года Бегичев пустился со своим другом Егором Кузнецовым в дальний путь на Диксон. Здесь к охотникам должны были присоединиться двое норвежцев, которых командировали в помощь русской поисковой экспедиции.

Прибыв на Диксон и соединившись с норвежцами, все четверо отправились на поиски. Медленно совершалось их передвижение по заболоченной тундре.

Через несколько переходов от реки Пясины характер тундры стал меняться — из болотистой она становилась каменистой. Однако это не уменьшало трудности похода. Берег становился все более скалистым, а в одном месте стояли такие скалы, через которые, казалось, невозможно было пройти с оленями. Скоро обнаружился неширокий проход между скалами. Было невероятно, чтобы люди, если они шли здесь когда-нибудь, могли миновать этот проход. Поэтому вся эта местность была осмотрена особенно тщательно. Но нигде не было обнаружено никаких следов пребывания матросов: они ведь могли обойти эти скалы, сойдя на морской лед.

Бегичев не терял надежды: рано или поздно след обнаружится. У него было мало случаев, когда инстинкт опытного охотника обманывал его. «Если, идя прямо, вы вдруг бессознательно сделаете несколько шагов в сторону, — повинуйтесь этому движению: вы скоро убедитесь, что именно так и надо было поступить», — говорил он.

От Пясины Бегичев повернул к бухте Вильда, где находился небольшой склад продовольствия, что было известно и ушедшим матросам. По состоянию склада можно было установить, дошли ли они до этого пункта или с ними случилось что-нибудь еще по пути к нему. В последнем случае надо было повернуть назад, возобновив поиски в обратном направлении.

Однажды на стоянке, когда спутники улеглись спать, Бегичев решил побродить по берегу в окрестностях, так как ему не хотелось спать. Он направился к небольшому мало приметному мыску. Дойдя до его оконечности, Бегичев увидел груду камней, напоминающих сложенный человеческими руками гурий... Он снял с него несколько камней и обнаружил консервную жестянку, а в ней завернутую в тряпку записку на иностранном языке...

Присутствие в поисковой партии норвежцев помогло прочитать ее. Записка гласила следующее:

«Мод» — экспедиция. Два матроса экспедиции, путешествующие с санями и собаками, прибыли сюда 10 ноября 1919 г. Мы нашли склад провизии, сложенный на этом месте, в очень разоренном состоянии. Особенно хлеб был сырой и попорчен соленой водой. Очевидно, высокая вода моря омывала этот пункт. Мы подвинули склад дальше, приблизительно на двадцать пять ярдов,[1] и пополнили наши запасы из провизии, находящейся здесь. Мы находимся в хороших условиях и собираемся уходить на остров Диксон.

Ноябрь, 18, 1919.

Петер Тессем, Пауль Кнудсен».

Естественно, что после такой ценной находки никто из разведчиков до глубокой ночи не спал. Сидя у костра, они обсуждали пути дальнейших поисков. Итак, первый след обнаружен. Но судьба матросов попрежнему оставалась неизвестной. Что же помешало им дойти до Диксона, если они находились в хороших условиях еще в половине ноября? Какая трагедия могла с ними произойти на пути от мыса Вильда до Диксона?

Утром, не теряя времени, экспедиция разделилась на две партии: норвежцы двинулись прямо к острову Диксона, а Бегичев с Кузнецовым шли вдоль берега, обшаривая каждую его извилину. Наступала осень, с поисками надо было спешить.

---

[1] Ярд — английская мера длины, равная 0,9 метра.

В тот памятный день охотники шли до полного изнеможения. Внизу у их ног бушевал океанский прибой, а наверху нависло угрюмое облачное небо. Голые скалы, изъеденные ветрами и волнами, падали вниз крутыми обрывами. Унылая, безрадостная картина! Вокруг — ни признака жизни, ни травинки. Вдруг на одном из прибрежных уступов охотники заметили остатки большого костра... Угли и зола были развеяны ветрами, но тяжелые обугленные головешки еще валялись здесь, свидетельствуя о посещении этого места человеком. А вот и жестянки из-под консервов с иностранными этикетками, вот несколько стреляных гильз, рукоятка сломанного карманного ножа...

Нельзя уже было сомневаться больше в том, что это место служило привалом тех самых норвежских матросов, которых искали охотники. Но для одного из матросов это был последний привал: в костре лежал полуобгоревший человеческий скелет. Очевидно кто-то из двух, после смерти товарища, не имея сил похоронить его, предал труп сожжению. Но и это было нелегким делом: ни леса, ни кустарников здесь не произрастало, и единственным топливом мог служить сырой плавник, который необходимо было поднять из зоны морского прибоя под скалистым берегом.

Бегичев и Кузнецов старательно собрали кости скелета и похоронили их по обычаю Арктики под грудой камней, соорудив над ней безыменный крест: они не знали, кому из двух норвежцев принадлежали останки.

С особенным вниманием после этого охотники осматривали свой дальнейший путь, чтобы обнаружить следы того, другого, который, после кремации трупа своего товарища, продолжал путь в одиночестве.

У охотников истощились припасы, и они шли полуголодными. К тому же осень вступила окончательно в свои права, начались пурги, затрудняющие передвижение. Наконец, разразился сплошной трехдневный шторм, и когда он окончился, тундра оказалась погребенной под снегом. Близилась зима. Бегичев и Кузнецов спешили на Диксон, так как дальнейшие поиски стали бесполезны.

Возобновились поиски лишь с наступлением весны следующего года, когда Бегичев вновь прибыл на то же побережье. На этот раз он спустился в лодке по реке Пясине, рассчитывая сосредоточить свои поиски на участке между Диксоном и устьем этой реки. Именно здесь, то есть на протяжении всего каких-нибудь ста пятидесяти километров прибрежной полосы, по его предположениям, и нужно было искать следы второго норвежца.

Тщательно исследуя каждую складку местности, каждый изгиб береговой линии, осматривая каждую скалу и расщелину, Бегичев довольно скоро обнаружил следы прошедшего здесь когда-то человека, остатки костров, стреляные ружейные гильзы, обрывки ткани. Кострища попадались очень часто — в расстоянии двух-трех часов пути один от другого. Это говорило о том, что человек шел изнемогая, выбившись из сил. Но куда, все-таки, мог уйти человек, если цель его стремлений была почти рядом, совсем на виду? Какие чувства овладевали им при виде спасительных огней радиостанции, до которой он прошел почти 900 километров по безлюдной, дикой и угрюмой Таймырской тайге, испытав неимоверные лишения, пережив смерть единственного своего товарища и спутника? Человек, безусловно, должен был отдавать себе отчет в том, что приближается долгожданный конец его скитаниям, что он — у цели... И — самое главное — сознание исполненного долга, несомненно, должно было вдохнуть новую струю бодрости в изнемогающего и обессиленного человека. Но что-то случилось, что помешало ему пройти совсем ничтожное расстояние до цели.

В непосредственной близости от Диксона была найдена пачка бумаг, завернутая в тряпку. Среди написанных на иностранных языках одна оказалась на русском. Это было обращение Амундсена к заведующему радиостанцией острова Диксона с просьбой отправить телеграммы в Норвегию, текст которых прилагался... В случае каких-нибудь неясностей в их тексте рекомендовалось обратиться за разъяснениями к их подателю Тессему.

Потеря такого документа говорила о полном истоще-

нии сил путника. Его, видимо, уже оставляла надежда добраться до места назначения.

Бегичев достиг Диксона, так и не разрешив до конца загадки исчезновения второго норвежца.

Отправившись однажды на охоту за гусями, Бегичев случайно заглянул в одну глубокую расщелину, мимо которой он и другие проходили уже не раз.

Тут-то и обнаружился тот, кого он с таким старанием разыскивал: на дне расщелины лежал труп, прикрытый полуистлевшей одеждой, рядом — кожаный мешок, но ни лыж, ни ружья нигде не было. В мешке оказались складной нож, расческа, защитные очки, записная книжка и прорезиненный парусиновый пакет с бумагами экспедиции «Мод». Во внутреннем кармане вязаного жилета — именные золотые часы и карточка погибшего с обозначением его профессии. Теперь не оставалось сомнений, что это был Тессем.

Смерть застигла Тессема в каких-нибудь полутора-двух километрах от горящей огнями диксоновской радиостанции, которую он не мог не видеть. Спеша из последних сил на эти манящие огни, он сорвался, очевидно, с обрыва и разбился на дне расщелины.

В прорезиненном пакете оказались и тексты телеграмм Амундсена, и его донесения, запоздавшие отправлением на два года...

НА ЮГ, К ЗЕМЛЕ ФРАНЦА-ИОСИФА

13 апреля 1914 года группа матросов в тринадцать человек со штурманом В. И. Альбановым во главе покинула корабль «Св. Анна», находившийся в ледовом дрейфе. Это произошло на 83° 17′ северной широты и 60° восточной долготы к северу от Земли Франца-Иосифа. Альбанов надеялся достигнуть этой земли, но переход по торосистым льдам оказался настолько тяжелым, что трое матросов не выдержали его и вскоре же вернулись на дрейфующий корабль, остальные продолжали путь.

Их первая стоянка на земле после трехмесячного перехода по льду была под обрывом мощного ледника. Оправившись немного и придя в себя, люди стали соображать, куда им итти и что делать дальше. Прежде

всего они начали искать подъема на ледник. В ледяной стене нашлась глубокая вертикальная трещина с наметенным снегом. По этому круто восходящему жолобу, делая в плотном снегу зарубки топором и забивая в него гарпуны, им удалось взобраться на тридцатиметровую стену ледника и втащить туда за собой с помощью веревок каяки, нарты и всю свою кладь.

Через три с половиной часа хода по «крыше» ледника путники заметили, что двигаются под уклон и, наконец увидели впереди под горой черный мысок.

Часть этого мыска переходила в отмель, усеянную камнями, а когда они достигли ее, то вместо льда у них под ногами была земля, грязь и мягкий мох.

Люди попадали в ямы и вязли в грязи. Внезапно до их слуха донесся шум и крики птиц.

На пригорке они заметили несколько маленьких желтых полярных цветочков. Это была приветливая улыбка земли людям, стосковавшимся по ней среди бесконечных льдов Арктики.

Из-под ног то и дело стали вспархивать со своих гнездовий гаги; люди находили крупные и совсем еще теплые яйца величиной с гусиные. Все эти дары земли заставляли их забыть лишения и бедствия странствований во льдах.

На мысе оказался сухой плавник, так что скоро запылал костер, была сделана яичница на гагачьем жире, и люди получили возможность не только досыта наесться, но и обогреться и обсушиться.

Двое из десяти — матросы Шпаковский и Конрад — отправились на северо-западную оконечность мыса и сделали замечательную находку. Вблизи морского берега они заметили пирамидальную груду камней, напоминавшую гурий. Подойдя ближе, моряки обнаружили валявшуюся на земле бутылку из-под английского эля с патентованной завинчивающейся пробкой. Под камнями гурия нашли коричневую жестяную банку. Вскрыв ее, увидели тщательно сложенный новый английский флаг, а под ним такую же бутылку, что валялась на земле, но с приклеенной бумажкой, на которой стояло несколько английских имен, внутри лежала записка на том же языке.

Альбанов не читал по-английски, но совместно с одним из своих спутников, матросом Нильсеном, с помощью имевшегося у штурмана англо-русского словарика смог все же разобрать, что английская полярная экспедиция Джексона 1897 года, отойдя в августе того года от мыса Флора для поисков земли, лежащей к западу от Земли Франца-Иосифа, прибыла на мыс Мэри Гармсуорт, где и положила английский флаг и эту записку. В конце сообщалось, что на судне «Видворт» все благополучно, и стояла подпись начальника экспедиции Джексона.

Итак, моряки попали на мыс Мэри Гармсуорт, который является юго-западной оконечностью Земли Александры.

Находка джексоновских предметов указывала дальнейший путь к мысу Флора. Джексон, ставя здесь свой знак, менее всего мог предполагать, что его найдут русские люди, пришедшие по льду с севера. Этот случай лишний раз говорит о том, что, находясь в Арктике, человек должен всюду, где бы он ни был, оставлять видимые знаки своего пребывания, даже в тех случаях, когда сам он не находится в бедственном положении. Он должен учитывать, что эти знаки и записки могут иной раз выручить из беды других, находящихся, может быть, в худших условиях.

У альбановцев оставались два каяка с двойной обшивкой. Один мог поднять, не считая груза, двух человек, другой трех. Решено было, что одна пятерка с грузом отправится к мысу Флора на каяках, а другая пятерка пойдет налегке берегом, по леднику. В конце дневного маршрута обе партии должны были встретиться на берегу и провести ночь вместе.

Так и сделали. Альбановская пятерка плыла на каяках благополучно, береговая партия шла недалеко от края ледника и была хорошо видна с каяков. Достигнув часов в одиннадцать вечера бухты Вейпрехта, обе партии соединились, сделав в первый день переход в тридцать пять километров. Продвигаясь столь же успешно и дальше, люди могли достигнуть мыса Флора через четыре дня. Но на второй день у некоторых спутников Альбанова стал наблюдаться упадок сил: они просили

отдыха хотя бы на голых утесах. Видно, отдых на мысе Мэри Гармсуорт не восстановил их сил, истощенных трехмесячным походом по льду.

Вторая встреча пятерок должна была состояться у мыса Гранта. Каяки нашли здесь пристанище в хорошо защищенной бухточке. Альбанов стал ожидать береговую партию, но она на этот раз долго не появлялась. Тогда двое из каячников отправились на ее розыски, но через семь часов вернулись, не встретив товарищей. Когда тех увидели позже спускающимися с ледника, то одного среди них не досчитались: он умер в пути от истощения.

С этого дня партия альбановцев стала таять: у людей появились признаки цынги, и они погибали один за другим — кто на леднике во время пешего пути, кто захлестнутый волной в каяке. Скоро от всей партии остались лишь двое — сам Альбанов да матрос Конрад. Они вдвоем продолжали пробиваться к заветному мысу Флора, несмотря ни на какие препятствия полярной стихии, одолевавшей их на каждом шагу.

На одиннадцатый день по выходе с мыса Мэри Гармсуорт они, истощенные, еле волочащие ноги, добрались до мыса Флора к бывшей стоянке Джексона. У Конрада пальцы обеих ног оказались отмороженными.

Когда измученные Альбанов и Конрад добрались до мыса Флора, их ждали здесь совершенно неожиданные находки. Сначала путники заметили шест за холмом, а когда обогнули холм, то глазам их представилось необычайное зрелище: не какие-нибудь жалкие развалины, а настоящий бревенчатый дом с крышей на один скат и трубой. Завороженные этим зрелищем, скитальцы не заметили сначала, что метрах в шестидесяти от дома, около глубокого оврага, лежал большой промысловый норвежский бот килем кверху, а рядом аккуратно были сложены весла, решетки и прочие его принадлежности.

Поспешив к дому, насколько это позволяли распухшие ноги, моряки убедились, что он необитаем, так как окна были заколочены, а входная дверь полуоткрыта и дом забит снегом. Тут же, у самого дома, стояли большие ящики, полузанесенные снегом. Сорвав доску с

одного из них, они увидели в нем второй ящик из жести. Ящик оказался набитым белыми галетами. Это была совершенно чудесная находка, так как в течение последнего полумесяца они не видели ни крошки хлеба, а до того несколько месяцев питались скудными порциями черных сухарей и, главным образом, мясной пищей без какой бы то ни было приправы и даже без соли.

На стене джексоновского дома оказалась прибитой со стороны входа доска, на которой было вырезано латинскими буквами: «Экспедиция старшего лейтенанта Седова 1913 г.».

Под доской были привязаны две запаянные банки из-под какао.

«Это почта! — догадался я, — вспоминал после Альбанов, — должно быть, ждет прихода судна». Подойдя к двери, мы увидели надпись синим карандашом: «Первая русская полярная экспедиция старшего лейтенанта Седова прибыла в Кап Флора 30 августа 1913 года и 2 сентября отправилась в Теплиц-бай».[1]

Но как седовцы успели за четыре дня сложить этот дом, а еще удивительнее, как они успели так его запустить? В доме был такой беспорядок, такая грязь, что трудно и вообразить. Грязный лед заполнял треть всего помещения, и в этот лед вмерзли обломки мебели, разные лохмотья, банки из-под провизии, грязная посуда и проч.

Над всеми этими полярными находками надо было крепко подумать Альбанову, прежде чем разгадать их происхождение. Но пришельцы решили отложить это дело до другого раза и пошли к сараю, стоявшему метрах в шестидесяти от дома.

Вокруг сарая лежала непролазная грязь, держались лужи воды. Повсюду вокруг валялись ящики с банками и просто банки, бочки, поломанные нарты, обрывки собачьей сбруи, битая посуда, — словом, целая свалка вещей. Пришельцы вскрыли наудачу несколько банок и нашли в них свинину, селедки, кроличье рагу; все это оказалось совершенно свежим, словно только что из

---

[1] В. И. Альбанов, На юг, к Земле Франца-Иосифа. П., 1917.

гастрономического магазина. Около сарая стояла восьмигранная постройка легкого типа, похожая на маленький цирк. Стены изнутри были обтянуты парусиной, а вдоль них устроены койки.

Здесь царил такой же хаос и все было покрыто льдом. На койках стояли ящики с огнеприпасами и лежали рассыпанные винтовочные патроны. Среди них нашлись и дробовые для ружья двенадцатого калибра, пригодные и для двухстволки Альбанова. Находка патронов была для путников весьма кстати, а совпадение калибров — в особенности.

На одной из коек оказался большой аптечный сундук, полный всяческих медикаментов и перевязочных материалов, которые послужили прежде всего для перевязки отмороженных пальцев ног Конрада. Поселились Альбанов с Конрадом в четвертой постройке. Она представляла собой подобие судовой рубки или настоящую рубку, перенесенную с судна.

Рубка была утеплена изнутри, стояла на пригорке и потому не подвергалась ни сырости, ни обледенению.

Нашим путешественникам помещение весьма приглянулось, тем более что внутри его стояла чугунная печка, рядом с ней ящик с готовыми дровами, столик и кое-какая столовая и кухонная посуда.

Так закончился первый день пребывания на мысе Флора, превзошедший все самые смелые ожидания и мечты измученных моряков.

На следующий же день они принялись за отколку и собирание своих находок. Работа была кропотливая, но полная самых неожиданных сюрпризов. Из продуктов они находили: пеммикан, мясо, масло, различные колбасные изделия, сушеную зелень, картофель, плитки шоколада, яичный порошок, десятки килограммов чая, правда, подмокшего, но частично высушенного ими и пошедшего в употребление, овес, предназначенный, очевидно, для лошадей, керосин, ящик стеариновых свечей. Из вещей найдены были легкие шелковые палатки с клеймом: «Полярная экспедиция Циглера». [1] Подобные клейма сто-

[1] После неудачной экспедиции Болдуина предприимчивый американский капиталист Циглер в 1903 году организовал новую экспедицию для достижения полюса. Экспедиция была направлена на

яли и на множестве других найденных предметов: топорах, лыжах, каяке, лопатах, кухонной посуде и т. п. Все они были лучшего качества и каждый носил свой номер.

Этот неведомый Циглер совершенно сбил с толку Альбанова: сначала он был уверен в том, что попал в «гости» к Джексону, потом оказалось, что это как будто бы место зимовки Седова, теперь же появился какой-то Циглер, о котором штурман не имел никакого понятия. Тем не менее, он установил позже по другим находкам, что поселок служил все же первичной базой экспедиции Джексона. Это заключение он вывел после того, когда нашел в большом доме остатки зеленого сукна, которым, как описывал в своей книге Нансен, было обито помещение Джексона.

Нансен уже упоминал в своей книге о том, что в зимовке Джексона не наблюдалось скученности, было просторно, так как людей с ним было немного. Становилось ясно, что многочисленные койки человек на сорок принадлежали составу другой экспедиции, поселившейся здесь позже, вероятно, циглеровской. Повидимому, за двадцать лет, прошедших со времени Джексона, здесь побывало несколько хозяев. Не могла оставить после себя такого беспорядка и запущенности и седовская экспедиция. Судя по всему, это были следы циглеровцев.

Окончательным подтверждением этого вывода послужила новая находка, сделанная Альбановым в доме.

Это был большой лист бумаги, нечто вроде юмористической газеты, выпущенной по поводу празднования зимовщиками нового года. В ней в карикатурном виде был нарисован ряд эпизодов путешествия к Северному

Землю Франца-Иосифа, руководил ею бывший кавалерист Фиала. В бухте Теплиц на острове Рудольфа судно этой экспедиции „Америка“ погибло. После первой зимовки часть экспедиции перебралась на мыс Флора, чтобы дождаться там прихода вспомогательного судна. Но судно не смогло пробиться. От инфекционных болезней погибли лошади, которых завез Фиала. Американцы добывали медведей, моржей, кайр и этим питались. В скалах на мысе Флора они нашли бурый уголь, им отапливали все помещения. Судно „Terra Nova“ прибыло за ними только летом 1905 года.

полюсу и возвращение назад к Земле Франца-Иосифа конного и собачьего обоза экспедиции...

«Вот оно что! У них значит были лошади!» Вот почему Альбанов и Конрад обнаружили запасы овса и конские черепа, разбросанные там и сям возле сарая. У Джексона лошадей не было. Значит, завез их сюда Циглер!

Таким образом, было постепенно расшифровано Альбановым и его спутником пребывание на мысе Флора неведомой для них экспедиции Циглера.

Альбанов вскоре по прибытии на мыс Флора захворал: от предшествовавших испытаний надорвалось даже его железное здоровье и психика: лежа в ознобе, он часто бредил, вскакивая с койки, и бежал звать Конрада. Ему все казалось, что их трое, что был еще какой-то «он», и больной штурман все искал этого третьего. Ему не давала покоя навязчивая мысль о пропавших спутниках, о том, что следует произвести розыски отставших товарищей.

В середине июля Конрад отправился в каяке на мыс Гранта, чтобы поискать там пропавших товарищей.

На третьи сутки он вернулся и рассказал Альбанову, что сделал все, что мог: рассматривал в бинокль на мысе Гранта каждый выступ, кричал, стрелял в воздух, но ответа на это не получил — мыс Гранта безмолвствовал.

Однажды во второй половине июля Альбанов бесцельно смотрел на море, с удовольствием дыша свежим морским воздухом.

Погода стояла тихая и теплая. Над морем висела дымка тумана. Мимо мыса плыли льдины, гонимые отливом, а на них дремали моржи. От моржей Альбанов перевел взгляд дальше и вдруг увидел нечто, что лишило его на несколько секунд языка: в море вырисовывалось судно с двумя мачтами, из трубы шел легкий, чуть видимый дымок. Корпус судна слабо чернел сквозь туман. Судно находилось от берега в расстоянии полутора-двух миль. Остолбенев от неожиданности, Альбанов смотрел и не верил своим глазам...

Когда он пришел в себя от изумления, то неистово закричал, зовя Конрада: — «Фока»! Идет «Фока»!.. — и

продолжал кричать, пока не прибежал перепуганный Конрад, который подумал, что Альбанов рехнулся. Но штурман показал ему судно, еле видимое сквозь туман. Это действительно был «Фока». Он подвигался вперед медленно и явно держал курс на мыс Флора. Альбанов с Конрадом бросились на крышу большого дома, подняли на высокой мачте флаг, взятый с своего корабля, и открыли бешеную пальбу из винтовок.

Наконец, видя, что судно действительно направляется к мысу, взволнованные робинзоны стали готовиться к встрече с седовцами. Надо было привести себя в порядок: помыться, почиститься, переодеться.

Слышались уже человеческие голоса с приближавшегося судна, лай собак. Вынырнул из тумана черный корпус «Фоки» . . .

Альбанов поспешил сесть в каяк и поплыл навстречу. С палубы заметили его. Люди столпились у борта на мостике и с любопытством разглядывали неизвестного человека, махая в ответ на его приветствия шапками.

Подплыв еще ближе к ним, Альбанов крикнул:

— Я штурман экспедиции Брусилова со «Святой Анны», покинул ее три месяца назад и прибыл на мыс Флора. . .

В ответ с палубы послышались возгласы удивления и крики «ура». Затем Альбанову сообщили, что «Фока» пришел не из Архангельска, а со стороны острова Гукер, где экспедиция зимовала, что Седов умер на пути к полюсу и похоронен на Земле Рудольфа, а сами седовцы уже два года не имеют вестей с Большой Земли.

Когда судно стало на якорь и Альбанов взобрался на палубу, его приняли самым сердечным образом. Все сразу же с ним перезнакомились, перецеловались, и начался оживленный обмен новостями.

Выяснилось, что седовцы зашли на мыс Флора потому, что бедствовали с топливом. Пришлось разобрать в поселке дом и сарай, погрузить на судно все доски и столбы, чтобы до некоторой степени утолить топливный голод. Робинзоны мыса Флора вернулись на родину вместе с участниками экспедиции Г. Я. Седова.

НАХОДКА ГРЕНЛАНДСКИХ ЭСКИМОСОВ

Знаменитый норвежский ученый и полярный исследователь Фритьоф Нансен тщательно собирал всевозможные сведения о льдах и течениях Северного Ледовитого океана.

Нансен внимательно изучал все находки, попадавшиеся изредка вдоль гренландского побережья, и не только восточного, но и западного. Именно на западном берегу Гренландии за несколько лет до дрейфа нансеновского «Фрама» около колонии Готхоб была найдена доска и дротикометатель своеобразного вида.

Учеными этнологами было с несомненностью установлено, что такие доски, украшенные китайскими бусами, встречаются только у эскимосов Аляски.

Эскимосы Гренландии для выделки предметов домашнего обихода, промысловых орудий, лодок и жилищ также употребляют дерево, но в Гренландии, как известно, лесов нет. Поделочный же лес эскимосов состоит, главным образом, из сибирской лиственницы, усеивающей в виде плавника береговые отмели. Это доказывало наличие течения, которое приносит древесные стволы через Ледовитый океан из Сибири в Гренландию.

Во время последнего путешествия в Гренландию Нансен, желая использовать, казалось бы, самые ничтожные доказательства для подтверждения своей идеи, собрал образцы пыли и грязи на льдинах около Исландии. Образцы были посланы им шведскому геологу Тернсбому в Стокгольм, который исследовал их и нашел в них около двадцати различных видов минералов. Их разнообразие было разительно, и в письме к Нансену Тернсбом писал: «Не может ли быть, что неорганическая часть пыли происходит из Северной Сибири, и что это — частицы грязи, выносимой великими сибирскими реками в океан. Значительное количество минеральных частиц, заключающихся в пыли, как мне кажется, свидетельствует о том, что она происходит из обширной земли, и, таким образом, естественно, на мысль приходит Северная Сибирь». [1]

---

[1] Ф. Нансен, Среди льдов и во мраке полярной ночи, М. 1897—1898 гг.

К этому выводу ученый пришел, ничего не зная о взглядах Нансена относительно полярных течений.

Кроме того, часть исследованной грязи была явно органического происхождения и состояла главным образом из гумуса (растительного перегноя). Следовательно, это не могла быть ледниковая грязь, которая выносится с Гренландии и других арктических земель. Она могла быть принесена от иных берегов Полярного бассейна, и, таким образом, мысль снова обращалась к Сибири.

Интересен еще вопрос о диатомеях — одноклеточных одиночных или колониальных микроскопических водорослях. Они были найдены в Гренландии на поверхности снега, покрывавшего льдины, и исследованы профессором Клеве в Упсале. Он говорит об этих видах диатомей следующее: «Диатомеи эти отличаются от многих тысяч образцов, которые я исследовал, за исключением одного образца, с которым они обнаруживают значительное совпадение и который был найден во время экспедиции «Веги» на льдине вблизи Берингова пролива. Вид и особенности обоих образцов совершенно одинаковы».

Профессор Клеве смог различить шестнадцать видов и особенностей диатомей. Все они имелись в образце с мыса Ванкарем, и двенадцать из них были известны только оттуда и не встречались более на всем свете. Клеве пришел к такому выводу: «Весьма замечательно, что диатомеи на льдинах вблизи Берингова пролива и на восточных берегах Гренландии так похожи друг на друга и так отличаются от всех остальных, что можно допустить существование сообщения между морями к востоку от Гренландии и севером Азии».

Наконец, дрейф «Жаннеты» под командой капитана Де-Лонга окончательно убедил Нансена в том, что в море к северу от Берингова пролива идет течение в северо-западном направлении. Это течение, повидимому, не было сильным в первое время ледового дрейфа «Жаннеты», но по мере приближения к области севернее Новосибирских островов оно усиливалось и, наконец, достигло скорости восемь миль в сутки. В области, лежащей к северу от Новосибирских островов, по мнению Нансена, и начиналось течение, идущее через Северный Ледовитый океан.

Однако еще более замечательным подтверждением правильности предположений Нансена явился тот факт, что ряд предметов, принадлежавших экипажу «Жанне-ты», был найден на пловучей льдине гренландскими эски-мосами-зверобоями. Причалив к льдине и взобравшись на нее, они с удивлением увидели множество полувмерзших предметов, принадлежавших, несомненно, каким-нибудь европейским морякам, потерпевшим кораблекрушение. Эскимосы не решились поэтому сами заняться раскопка-ми, а поспешили сообщить о них инспектору датской ко-лонии в Юлиангобе Литцену, который распорядился откопать вещи и доставить ему.

Инспектор Литцен подробно описал найденные пред-меты, условия их обнаружения, а потом собранные дан-ные опубликовал в журнале датского Географического общества в Копенгагене.

Всего предметов было пятьдесят восемь. Среди них имелись: список продовольствия и припасов с собствен-норучной подписью Де-Лонга, список лодок «Жаннеты» и пара непромокаемых штанов с личной меткой матроса Луи Норса — одного из матросов экспедиции Де-Лонга, случайно спасшегося, так как он с другим матросом, Ниндеманном, был послан вперед на поиски челове-ческого жилья и вызова помощи группе самого Де-Лонга.

Надо добавить, что эти находки были обнаружены эскимосами на юго-западном берегу Гренландии три года спустя после гибели судна «Жаннета», которое было раз-давлено льдами и затонуло в июне 1884 года.

Правда, относительно существования этих находок возникли сомнения после того, как они пропали при са-мых нелепых обстоятельствах. Случилось это так.

Инспектор Литцен послал их своему другу в Копен-гаген, а тот, в свою очередь, отправил их на междуна-родную выставку в Амстердам. После ее закрытия вещи были возвращены в Копенгаген тому же лицу и слож-ены на чердак. Через несколько лет лицо, хранившее их, скончалось, а вдова его, не зная, какое значение пред-ставляла собой эта рухлядь, уничтожила ее.

Фритьоф Нансен, прослышав о смерти владельца де-лонговских реликвий и опасаясь за их судьбу, поспешил в Копенгаген спасать их: они ведь являлись неопровер-

жимый доказательством существования великого Полярного течения, которым он намеревался воспользоваться для обоснования своего будущего дрейфа через Северный полюс.

Но Нансен приехал в Копенгаген, опоздав ровно на два месяца... Поэтому, когда 14 ноября 1892 года он выступил в Лондоне с докладом перед обширной аудиторией членов Географического общества, среди которых находились такие полярные моряки, как Леопольд Мак-Клинток, адмирал Джон Нэрс, Аллен Юнг, знаменитый капитан Виггинс — один из первых исследователей Карского моря, Нансен не смог демонстрировать ни вещей, ни документов Де-Лонга, ни других эскимосских находок, проплывших на льдине от места гибели «Жаннеты» через центральный Полярный бассейн Арктики к юго-западным берегам Гренландии.

Нансен доказывал, что находка эскимосами этих вещей дает ему право сделать заключение, что через области Полярного бассейна из моря к северу от Сибири и Берингова пролива к морю между Шпицбергеном и Гренландией идет постоянное течение. Но если дело обстоит так, то наиболее простой способ пересечь неизведанные пространства — это отправиться вместе с этими льдами, т. е. войти в течение с той стороны, где оно идет к северу и предоставить ему нести судно к недоступным высоким широтам.

Как известно, Нансен доказал это положение: «Фрам» продрейфовал от Новосибирских островов в Гренландское море. Но судно не прошло через полюс, а только по окраинам центрального Полярного бассейна. Дрейф льдов в этой заповедной области нашей планеты протекает несколько сложнее, чем предполагал Нансен. Законы дрейфа раскрыты только сейчас, после героических советских экспедиций на дрейфующей льдине и ледокольном пароходе «Георгий Седов».

КОЛЛЕКЦИИ И ТЕРМОМЕТР ТОЛЛЯ

В 1913 году, после неудачной попытки пробиться в Карское море с востока сквозь ледяную пробку у мыса Челюскина, гидрографическая экспедиция на судах «Таймыр» и «Вайгач» решила вернуться во Владивосток, хо-

тя до него было отсюда больше двух тысяч миль. На первых порах суда шли по дуге большого круга к группе островов Де-Лонга. На рассвете 5 сентября вахтенные увидели высокий, угрюмый берег острова Беннетта; суда укрылись под его северным массивом.

Здесь начальник экспедиции поручил доктору Л. М. Старокадомскому отправиться на поиски минералогических коллекций Э. Толля, под руководством которого в 1900 году была снаряжена экспедиция Академии наук на судне «Заря» для отыскания Земли Санникова. Было известно, что после зимовки на западном берегу Таймыра «Заря» безуспешно производила поиски проблематической Земли Санникова и столь же безуспешно пыталась пройти к острову Беннетта, после чего стала на вторую зимовку у острова Котельного.

С этого острова Толль с астрономом Зебергом и двумя промышленниками перебрался на остров Беннета, никем после Де-Лонга еще не посещенный, чтобы там летовать. В 1902 году судно «Заря» должно было снять эту береговую партию, но не смогло пройти к острову, а отправившийся на поиски в следующем году на китобойном вельботе боцман Бегичев привез лишь некоторые вещи и важные документы, в числе которых была записка Толля, сообщавшая, что в конце октября он с тремя спутниками покинул остров, направляясь к югу. Четыре же ящика с геологическими сборами остались на острове.

Бегичев в числе других документов вывез план острова, на котором было отмечено место, где хранилась геологическая коллекция Толля.

План этот имел Старокадомский. Он взял четверо саней и с шестнадцатью матросами (по восьми матросов с каждого ледокола) отправился в путь. Его сопровождали лейтенанты Жохов и Неупокоев и инженер-механик Петерсен.

К вечеру вся партия, пройдя около пятнадцати километров, достигла южного берега острова и здесь, под защитой каменного массива полуострова Чернышева, разбила палатку.

Начались поиски толлевских минералогических сборов. В противоположных концах долины, между полуостровом и отрогами центральной горы, лейтенантом Жо-

ховым и доктором Старокадомским было найдено по два ящика, наполненных образцами. Часть камней имела еще следы этикеток и бумаги, в которую когда-то каждый из них тщательно был завернут. Ящики, сбитые из грубо обтесанного плавникового леса, частично были разбиты и сборы занесены илом. Видимо, сильно бушевавший морской прибой подкатывал иногда волны до самых ящиков, лежавших недалеко от воды.

Кроме ящиков, здесь оказалась еще небольшая корзина из дранок, также наполненная образцами пород, и два куска мамонтовой кости.

Плавника на берегу было множество, поэтому моряки развели возле палатки большой костер на ночь, отложив до утра посещение хижины Толля, находившейся километрах в четырех от их лагеря.

Бегичев нашел жилище Толля еще в хорошем состоянии, но с тех пор прошло много лет, и над домиком пронеслось немало жестоких штормов. Моряки с «Таймыра» и «Вайгача» нашли его уже полуразрушенным. Жалкие остатки жилища были разбросаны по берегу замерзшего ручья.

Самые важные находки сделал здесь Бегичев. Теперь же удалось найти лишь второстепенные: заржавевшую берданку с вынутым замком, часть искусственного горизонта, пилу из оленьего рога, кое-какие остатки старой обуви, клочья истлевшей шкуры белого медвежонка. Само жилье было устроено, повидимому, по типу тех «поварен», которые были разбросаны еще во времена Толля на Новосибирских островах и материковом берегу.

Это были убогие карликовые квадратные хижины, подобные деревенским банькам, иногда с крошечным оконцем, а то и без него, с низенькой дверью, в которую войти можно лишь согнувшись.

В такой «поварне» жил ученый геолог Толль, астроном Зеберг и проводники-якуты Горохов и Протодьяконов. Толль и Зеберг вели здесь научную работу: первый по геологии, второй по определению магнитных элементов, топографии острова, его фауне и флоре.

В 1902 году, не дождавшись прихода судна, все четверо направились к месту его зимовки у острова Ко-

тельного, и все четверо бесследно исчезли во время этого перехода.

Чтобы почтить память погибших, моряки «Таймыра» установили на мысе Эмма, названном так Толлем в честь своей жены, большой знак с мемориальной доской.

«Таймыр» побывал у острова Беннетта в 1913 году.

Поисковая партия моряков с „Таймыра“ и „Вайгача“ перевозит ящики с коллекциями Э. Толля на суда.

Спустя четырнадцать лет к этому пустынному острову подошел советский ледокольный пароход «Садко».

Участники экспедиции случайно обнаружили на мысе София острова Беннетта последний лагерь погибших исследователей.

Там были найдены отдельные части метеорологической будки, выточенные деревянные колышки с медными наконечниками от специальной палатки для магнитных наблюдений, самые магниты. Небезынтересно, что последние не потеряли силы притяжения и резко воздействовали на стрелку компаса.

Кроме того, были подобраны железный напильник, ружейные гильзы и пыжи, куски вара и стеарина, прекрасно сохранившаяся льняная веревка, моток стальной проволоки, пороховница, маленькое корыто, алюминиевая пластинка, часть парусинового рюкзака, кожаная рукавица и прочие мелкие предметы.

Все перечисленные реликвии поступили в исторический отдел Музея Арктики.

Несколько позже любопытную находку, связанную с работами Толля, обнаружила экспедиция на гидрографическом судне «Торос», зимовавшая в Карском море. Обследуя гору Черную в районе Волчьего залива (полуостров Заря), гидрографическая партия заметила небольшой гурий. При осмотре его гидрографы увидели специальный футляр, в котором оказался минимальный термометр. Из найденного здесь же описания выяснилось, что термометр оставлен в 1901 году экспедицией Э. В. Толля. Термометр, вскрытый гидрографами, показывал минимальную температуру в 70°.

Находка минимального термометра Толля показала, что за тридцать восемь лет (с 1901 по 1939 год) температура в районе архипелага Норденшельда понижалась до 70° ниже нуля.

СТУПНИ ПОЛЯРНОГО ГИГАНТА

За много тысячелетий до нашего времени в далеких приполярных областях обитали диковинные животные — мамонты, волосатые носороги, тигры-саблезубы. Ученые всех стран кропотливо собирали материал, который бы позволил представить внешность, анатомическое строение и условия существования всех этих давно вымерших животных. За каждым открытием в этой области ученый мир следил с живым интересом, особенно со времени находки русским ученым Палласом известных остатков носорога на реке Вилюе и находки другим ученым Адамсом, не менее известного, так называемого, березовского мамонта в низовьях Лены.

К таким находкам относится и мамонт с острова Большого Ляховского, обнаруженный в 1906 году сибирским промышленником Алексеем Гороховым в верховьях реки Этерикан. На дне почти безводной речки

Алексей Горохов нашел череп мамонта с одним бивнем двухпудового веса редкой сохранности. При этом от головы, покрытой местами кожей и темными грубыми волосами, была отрублена длинная, около сажени, сужи-вающаяся к концу «труба», покрытая черными волосами. Место этой находки не было точно известно промышленникам, рассказавшим о ней геологу Воллосовичу: сам Горохов к тому времени уже скончался. По рассказам промышленников, Воллосович легко догадался, что «труба» есть не что иное как хобот мамонта, ни разу еще не обнаруженный в целом виде.

В декабре того же года Воллосович, будучи в Петербурге, получил известие из далекой Сибири, что промышленники разыскали место стоянки Горохова, которое находилось на берегу ручья при впадении его с правой стороны реки Этерикан, километрах в двадцати от ее устья. Следы раскопок, частью занесенные илом, замечены были у подножия правого пологого берега. После расчистки ямы обнаружился череп, отделенный от туловища, но «трубы» уже не сохранилось, а на месте ее в мерзлом иле ручья оказалось много волос, мелких обрывков мяса, жира и кожи. Сам труп мамонта был засосан илом.

Ясно стало, что и на этот раз самая нежная часть трупа мамонта была сожрана четвероногими хищниками тундры — песцами.

Лишь в декабре 1910 года Воллосовичу сообщили из Иркутска, что мамонтовый груз, доставленный из Якутска по зимнему пути, направлен на его имя в Петербург. Он содержал череп с бивнем, две передних ноги, добытых на глубине одной сажени, пару задних ног, откопанных на двухсаженной глубине, большой кусок кожи с ухом, которое пришлось даже разрубить при раскопках, так как вынуть его целиком оказалось весьма затруднительно. Было также найдено немало разрозненных частей скелета и желудок полярного гиганта.

Это тоже была весьма ценная находка, так как желудок содержал еще непереваренную растительную пищу. Она давала возможность ботаникам установить, какими видами деревьев и кустарников питались мамонты, и выяснить, каков был, таким образом, растительный покров земли той отдаленной эпохи, в которую жил ма-

монт. Но едва ли не самыми интересными находками были ступни гиганта, кажется, впервые столь хорошо сохранившиеся. На самом деле, разве не любопытно, чем попирала эта живая груда костей и мяса полярную землю? Очевидно, что эти ступни были хорошо приспособлены для той почвы, по которой они передвигались. Тем самым тип конечностей выяснял и состояние почвы.

И действительно, ступни ляховского мамонта по своей сохранности представляли наиболее ценную находку среди его остатков. Они впервые выяснили строение его копыт и подошвы.

Ступни эти, сильно расширяясь в конце столбообразной ноги, имели пятипалое строение: четыре копытообразных выступа спереди и роговая обойма позади, заменявшая пятый палец. Подошва, словно растрескавшееся копыто, была усажена множеством раздвижных пластин, тормозивших животное при скольжении. Такое строение подошвы являлось весьма удачным приспособлением мамонта к передвижению по заболоченным низинам, которыми изобиловала тундра, оттаивавшая летом, судя по остаткам ее растительности в желудке, несколько глубже, чем современная, но, конечно, не настолько, чтобы там существовали трясины, угрожающие мамонту провалом.

Устройство ступней мамонта помогало ему передвигаться.

Ляховский гигант погиб из-за собственной тяжести; он попал в весенние грязевые потоки, в которые погрузился и был заживо засосан.

Почему же в таком случае инстинкт не подсказал животному остерегаться таких грязевых потоков? Дело в том, что грязевые потоки заполняли обычно котловины, защищенные от холодных ветров. Старые грязевые наносы первыми покрывались сочными весенними травами. Таким образом, мамонты, как и другие жвачные животные его эпохи, находили в подобных котловинах первую сочную зелень. На эти-то соблазнительные пастбища и собирались травоядные обитатели тундры. Но если грязевые наплывы выдерживали тяжесть животных более легкого веса, то многотонные гиганты-мамонты нередко увязали в них.

Погружаясь все глубже и глубже в грязь и слабея от голода, мамонт не в состоянии был уже защищаться от мелких хищников тундры, которые прежде всего объедали еще у полуживого животного самую мясистую часть его тела — хобот.

Вот к каким разгадкам ведут иногда находки Арктики, хотя бы это были всего навсего ступни гиганта!

В ДВУХ ПОЛУШАРИЯХ

Единственным, вероятно, в полярной истории остается случай находки остатков одной и той же экспедиции в двух полушариях мира. Речь идет опять-таки об экспедиции Де-Лонга на судне «Жаннета». Мы рассказали выше, как были обнаружены некоторые предметы этой экспедиции у берегов Гренландии. Спустя много лет о судьбе этой экспедиции вспомнили в связи с находками на острове Генриетта.

В октябре 1938 года в Москву вернулись зимовщики с советской полярной станции на этом острове, который входит в группу островов Де-Лонга, открытых во время дрейфа «Жаннеты». Полярная станция была создана здесь в 1937 году. На пустынном клочке земли обосновалось семеро наших полярников.

8 июня 1938 года биолог Л. И. Леонов, собирая коллекцию лишайников, обнаружил под гнездом чайки медный цилиндр с клочком исписанной бумаги. К сожалению, цилиндр не был запаян, в него проникла вода и записка превратилась в смерзшийся комок, который невозможно было расправить и прочитать. Сам цилиндр носил следы медвежьих зубов или когтей. Повидимому, медведи пытались разгрызть или разломать его.

Через несколько дней после первой находки вблизи того же места были обнаружены части флагштока и кусок веревки, которая, видимо, служила для подъема флага. Другие куски той же веревки были найдены в гнездах чистиков. Птицы по-хозяйски использовали эту экспедиционную принадлежность, устроив мягкую колыбель для своих птенцов. Под слоем мха обнаружены ружейные гильзы, говорившие о том, что здесь кто-то охотился...

Находки были весьма интересны. Вот тогда советские

полярники и вспомнили историю дрейфа «Жаннеты». Несомненно, это были следы пребывания на острове старшего механика экспедиции Мельвилля, отправленного Де-Лонгом с дрейфовавшего судна.

Отряд Мельвилля был сформирован из двух офицеров и четырех матросов, с пятнадцатью собаками, санями, легким яликом для переправы через полыньи и с провиантом на семь дней. Отряд должен был узнать, есть ли на острове животные и птицы для пополнения запасов свежим мясом и выяснения вопроса — не могут ли моряки, в случае катастрофы судна, передохнуть на острове, затем пойти к сибирским берегам.

Для проверки положения острова отряд получил искусственный горизонт, компас, секстан, а для символического его присоединения к владениям Соединенных Штатов Америки — американский звездный флаг. Де-Лонг дал Мельвиллю указание не оставаться на острове долее двадцати четырех часов. Однако путники задержались. Только через три дня партия Мельвилля вернулась на судно сильно измученной. Одного из участников похода, Денбара, пораженного снежной слепотой, привезли на санях, так как он был не в состоянии самостоятельно передвигаться среди торосистых нагромождений.

Рапорт Мельвилля, поданный Де-Лонгу, сообщал, что отряд благополучно высадился на острове и водрузил там флаг Соединенных Штатов. Остров получил географическое название Генриетта. На острове отряд установил гурий, в который был вложен краткий отчет Де-Лонга. Американцы осмотрели остров. Он представился им бесплодной скалой со снежной шапкой. В качестве «трофеев» на корабль было доставлено немного травы и мха, а также кусок скалы...

Потом, как нам известно, льды раздавили судно. Экипаж добрался до берегов Сибири, но там, не найдя человеческих поселений, большинство полярных путешественников, в том числе и Де-Лонг, погибло.

Прошло больше полувека, пока медный цилиндр Де-Лонга, флагшток, обрывки веревок от давно истлевшего американского флага нашли советские полярники. В этих находках было много волнующего. Невольно трагическая судьба делонговской экспедиции сравнивалась с нашей

действительностью, когда о советских исследователях Арктики заботится вся страна, всегда готовая выручить их из любой беды.

Делонговские реликвии, найденные советскими полярниками, были препровождены в Ленинградский Музей Арктики. Записка Де-Лонга, сохраненная в формалине, поступила на обработку в Ленинградскую лабораторию по реставрации документов при Академии наук СССР.

Повидимому, эти предметы были последними из серии тех, которые оказались рассеянными в двух земных полушариях после гибели экспедиции Де-Лонга на судне «Жаннета».

МОГИЛА ГЕРОЯ

15 февраля 1914 года, еще до восхода солнца, из бухты Тихой, где стояла шхуна «Св. Фока», вышел к полюсу отважный сын русского народа Георгий Седов. Вместе с двумя матросами он решился на безумно смелую попытку достичь Северного полюса пешком по дрейфующему льду. Весь провиант был уложен на три нарты, в каждую из которых запрягли восемь собак.

Седова бил озноб. Он болел цынгой и едва передвигал опухшие ноги. Вскоре к этому прибавилась боль в груди, особенно мучительная при сильном ветре. Уже на седьмой день по выходе из бухты Седов вовсе не мог итти. Но он просил своих спутников — Линника и Пустошного — вести его дальше, надеясь поправиться в Теплицбае. Отступать Седов не мог. Он знал, что вернись он на материк... все, даже мелкие газетные шавки, лаявшие из подворотни буржуазной прессы, и те уцепятся за него, будут выть, издеваться. Вернись Седов — и на его идее нужно будет поставить крест; больше уже не снаряжать ему экспедиций в Полярный бассейн.

На пловучем льду, к северу от острова Рудольфа, Георгий Седов скончался на руках у своих спутников. Было это 5 марта в 2 часа 40 минут. Последние его слова были: «Линник, Линник, поддержи!» Но эту просьбу человека, который никогда не просил, а всегда добивался сам, исполнить было уже нельзя.

«Я и Пустошный, — рассказывал Линник, — минут пятнадцать стояли на коленях и молча глядели друг на друга. Затем я взял чистый носовой платок и покрыл им

лицо начальника. Первый раз в своей жизни я не знал, что предпринять, и начал дрожать от необъяснимого страха».

Посовещавшись, матросы решили пойти в бухту Теплиц. Буря задержала их на стоянке. Трое суток Линник и Пустошный дрогли у тела мертвого. Примус не зажигали, так как запасы керосина приходили к концу.

Только на четвертый день ветер, наконец, стих. Увязав нарты и положив на одну из них тело Седова, они двинулись на остров Рудольфа. Итти по леднику матросы не рискнули. Пришлось отказаться от мысли везти тело Седова на судно, решили хоронить его тут же на острове. Седов был похоронен в меховой одежде, гроб ему заменил брезентовый мешок. Они не в силах были вырыть могилу в глубоко промерзшей почве и ограничились небольшим углублением. Над кучей камней, наваленных поверх тела, был установлен крест из лыж, а рядом положен русский флаг, который Седов хотел водрузить на полюсе. Около могилы была оставлена нарта, на которой покойный совершал свой последний путь к северу.

В течение двадцати четырех лет место погребения Г. Я. Седова оставалось неизвестным. Только летом 1938 года полярники острова Рудольфа случайно обнаружили на мысе Аук следы могилы смелого исследователя Арктики. Там были найдены небольшой топорик, которым, вероятно, вырубалось последнее ложе полярного героя, остатки истлевшей меховой одежды, обрывки веревки и брезента (в них, повидимому, был завернут его труп), клочки флага и сломанное древко, оставленные матросами на могильном кургане.

Сейчас все эти реликвии выставлены для обозрения в историческом отделе Музея Арктики, где, наряду с большим художественным портретом Г. Я. Седова, многочисленными фотографиями и этюдами, можно познакомиться с оригиналами ценных документов героической экспедиции. В музее имеются судовой журнал шхуны «Св. Фока», собственноручная инструкция. Г. Я. Седова, предназначенная для участника экспедиции профессора В. Ю. Визе, отчет последнего по гидрологическим и метеорологическим наблюдениям и многие другие документы прославленной экспедиции отважного Г. Я Седова.

Приложение

Список полярных реликвий, хранящихся в Музее Арктики

(Опись составлена на 1 ноября 1939 года)

I. К экспедиции Баренца:

1. Деревянный голландский башмак.
2. Кувшин (битый).
3. Подметка медная.
4. Остаток кувшина.
5. Ключ дверной.
6. Подсвечник медный.
7. Дверная петля.

II. К экспедиции Норденшельда:

1. Альбом, подаренный Норденшельдом Сидорову.
2. Деревянный столб Норденшельда, поставленный им на мысе Вега в 1878 году, найденный экспедицией на „Ермаке“ 1935 года и доставленный капитаном Ворониным в Ленинград.
3. Два автографа Норденшельда:

а) его письмо к Сидорову на французском языке и б) письмо к Петербургскому обществу для содействия русскому торговому мореходству от 19 февраля 1880 года на шведском языке (с русским переводом).

III. К экспедиции Р. Амундсена:

1. Часы серебряные Амундсена.
2. Трубка Амундсена.
3. Два цинковых бидона.
4. Две банки металлических с консервами.
5. Одна банка металлическая с чаем.
6. Один паяльник.
7. Щетка головная.

8. Медная керосиновая лампа с разбитым стеклом.
9. Коробка жестяная пустая.
10. Кувалда железная без ручки.
11. Кольца железные 12 см (4 штуки).
12. Три туфли деревянные.
13. Багор металлический со сломанной деревянной ручкой.
14. Бидон для керосина оцинкованного железа.
15. Таз железный белый эмалированный.
16. Магнитный столб в металлическом футляре с крышкой.
17. Три истлевших носовых платка.
18. Один клубок ниток.
19. Лоскут брезента с надписью: 12/10°.

IV. К экспедиции Русанова:

1. Рукописи Русанова (две).
2. Буссоль Шмалькальдера для съемки.
3. Часы.
4. Металлическая часть портсигара.
5. Фотоаппарат „Кодак" с затвором Ирис.
6. Патроны (5 штук) и одна капсюля.
7. Куски документов и бумаг в трухообразном состоянии.
8. Монеты.
9. Часть детского самострела.
10. Овальная кружка (пробирная).
11. Перочинный ножик со штопором и шилом в четыре лезвия.
12. То же с надписью: „Премия оружейного магазина в Архангельске"
13. Футляр кожаный для финского ножа.
14. Карманный барометр без крышки и стрелки.
15. Бритва.
16. Часть трубки.
17. Гребень со сломанными зубцами.
18. Ремень кожаный с пряжкой.
19. Ножницы (малые).
20. Металлическая планка ружейного приклада.
21. Патроны к браунингу (4 штуки) и часть обоймы.
22. Патроны ружейные (4 штуки) с металлическими гильзами (один сломан).
23. Остатки ружейных патронов с картонными гильзами
24. Три кости: лопатка, локтевая и позвоночники.
25. Две обеденных ложки (металлические).
26. Пуговицы костяные (15 штук)и одна медная.
27. Куски ремней кожаные и матерчатые (16 штук).
28. Ремень кожаный с рамкой для браслетных часов.
29. Металлическая часть затвора сумки.
30. Игла с нитками.
31. Ремешок кожаный.
32. Пять штук гвоздей.
33. Шуруп винтовой.
34. Дробинки белые (33 штуки).

35. Патроны (31 штука).
36. Патроны (75 штук).
37. Куски пружины.
38. Нитки (комочек).
39. Кружка эмалированная без ручки.
40. Консервные банки пустые (2 штуки).
41. Части кошелька (сгнившие).
42. Пряжка на холсте.
43. Куски сгнившей одежды.
44. Винт-шуруп.
45. Шпулька с нитками (одна).
46. Кусок слипшейся бумаги.
47. Связка трех кусков слипшейся бумаги и холщевой ленты.
48. Тринадцать кусков истлевшей бумаги.
49. Три куска истлевшей бумаги со следами карты.
50. Начало рукописи Русанова (две строки).
51. Телеграфные расписки о получении телеграмм (18 штук).

V. К экспедиции Прончищева:

1. Чашка.
2. Миска деревянная.
3. Нож.

VI. К экспедиции Седова и Брусилова:

1. Описной журнал экспедиции Седова к Северному полюсу.
2. Предварительный отчет по гидрологии и метеорологии Седова.
3. Рапорт.
4. Выписка из судового журнала экспедиции Брусилова (на судне „Св. Анна").
5. Страница из санного журнала капитана Седова.
6. Письмо Г. Я. Седова к В. Ю. Визе — 1912 год (на 4 страницах).
7. То же к Мих. Мих. — 1911 год (на 4 страницах).
8. Письмо Кушакова о положении экспедиции Седова (на 4 страницах).
9. Флагшток из трех кусков с надписью.
10. Топор со сломанной ручкой (топорищем).
11. Обрывки флага, найденные 30 апреля 1938 года на предполагаемой могиле Седова на мысе Аук острова Рудольфа.
12. Обрывки меховой одежды, веревки, брезента, найденные 30 апреля 1938 года на мысе Аук острова Рудольфа.
13. Альбом полярной экспедиции Г. Я. Седова.

VII. К экспедиции Толля:

1. Магниты для намагничивания стрелки компаса.
2. Часть парусинового рюкзака.
3. Кусок окаменелого стеарина.
4. Рукоятка деревянная для скобления шкур.
5. Напильник трехгранный.
6. Кусок английской веревки льняной.

7. Головки от патронов (3 штуки).
8. Соска детская резиновая.
9. Пластинка алюминиевая.

VIII. К экспедиции герцога Абруццкого:

1. Записка, найденная на мысе Флора.
2. Нож и вилка.
3. Коробка спичек.
4. Доска деревянная с острова Рудольфа.
5. Ракетный пистолет.
6. Судовой колокол с надписью „Stella polare".

IX. К экспедиции Болдуина-Циглера:

1. Коробка с порошком супа „Диамонд".

X. К экспедиции Фиала—Циглера:

1. Две страницы из дневника матроса экспедиции Фиала—Циглера.
2. Записки из буя экспедиции Фиала — Циглера.
3. Ружье курковое гарпунное.
4. Топор с длинной ручкой.
5. Банки консервные.
6. Очки снежные в заржавленном футляре.
7. Две страницы из записной книжки члена экспедиции Фиала—Поттера.
8. Пояс брезентовый для патронов.
9. Футляр для финского ножа.
10. Чековая книжка.
11. Саквояж для дорожных вещей.
12. Записка, оставленная последней партией экспедиции Фиала в жестяной коробке.
13. Чашка деревянная с вырезкой „1902", с надписью на донышке: „Январь 15 Т. А.", покрытая лаком.
14. Кусок американского флага.
15. Шкатулка железная для медикаментов.
16. Инструкция Циглеровской полярной экспедиции (2 экземпляра).
17. Американский национальный флаг.
18. Три дневника на английском языке.
19. Книжка со снимками г. Тронгейма (20 страниц).
20. Пятьдесят пять листов рапортов научных работников начальнику экспедиции.
21. Семь листов бланков научных наблюдений.
22. Обрывки английского журнала.
23. Бланки для писем — двенадцать пачек — и один конверт.
24. Записная книжка на английском языке.
25. Пачка английских газет.
26. Три карты: Испании, Северной Америки и острова Кубы (порваны).

27. Проект жилого здания экспедиции Фиала (план на полотняной кальке).

28. Фотопортрет Фиала с его автографом (снято в Тромсе, Норвегия).

29. Визитная карточка Фиала.

30. Книга описаний экспедиции герцога Абруццкого на английском языке и еще сорок шесть предметов.

XI. К экспедиции де-Лонга:

1. Флагшток экспедиции Де-Лонга.

2. Цилиндр медный, в котором Де-Лонгом была оставлена рукопись на острове Генриетта.

XII. К экспедиции „Челюскина“:

1. Подлинный самолет Бабушкина.
2. Расписание научных лекций на „Челюскине“.
3. Спасательный круг с надписью „Челюскин“.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
„Полярная Помпея“ 5
Сокровища „северных робинзонов 10
Ружье из Белльзунда 12
Подарки моря 16
Находки в Русской Гавани 18
В устье реки Варсины 20
Корабли в лесу 21
Тайна сгоревшего бота 23
Последний лагерь воздухоплавателей 28
Мемориальный столб „Геркулеса“ 33
Открытия Никифора Бегичева 36
Через Таймырскую тундру 39
На юг, к Земле Франца-Иосифа 44
Находка гренландских эскимосов 53
Коллекции и термометр Толля 56
Ступни полярного гиганта 60
В двух полушариях 63
Могила героя 65
Приложение. Список полярных реликвий, хранящихся в Музее Арктики в Ленинграде . . 67

Ответственный редактор *В. К. Анциферов.*

Техн. редактор *А. А. Соловейчик.* Корректор *А. Г. Сасова.*

Сдано в набор 10 мая 1940 г. Подписано к печати 16 октября 1940 г.
Бум. 82×108¹/₃₂. Печ. л. 4¹/₂. Бум. л. 1¹/₈. Уч.-авт. л. 4. 131 000 тип. зн. в 1 б. л.
М 28331. Тираж 5000 экз. Инд. П-263. Зак. 1585.

Ленпартиздат—Тип. № 1 им. Володарского, Фонтанка, 57.

Д221.9(91)02
М9(0И)02

Цена 2 руб.

М 158
4 П